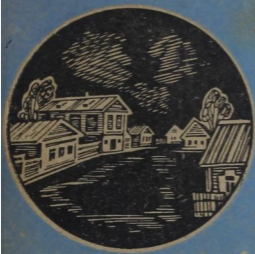

10-362

МИХАИЛ ЛУКЬЯНОВ

От села
к

ОБЛАСТНОМУ ЦЕНТРУ

ОГИЗ

1931

крос. 04.

п 1939₇

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

75.03.90-711

49650-1.03.83

24.03.04 120

Воскр. вып. Т. 1 илл. 3. 739—75

К 10-362.

БИБЛИОТЕКА УЧАЩИХСЯ ФЗО И ШКОЛ
ИВАНОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ

МИХАИЛ ЛУКЬЯНОВ

Л-84

О Т С Е Л А

2554

К

и ~~5587~~.

ОБЛАСТНОМУ ЦЕНТРУ

ОЧЕРК ИСТОРИИ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА

ДОПУЩЕНО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИМ
СЕКТОРОМ ИВАНОВСКОГО ОБЛОНО

94

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1 9 8 1

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ОТ ТКАЦКИХ СВЕТЕЛОК К ФАБРИЧНЫМ КОРПУСАМ . . .	5—24
Город красных ткачей. — Крепостное село. — Ивановская набойка. — Идет машина. — Село стало городом.	
ГОДЫ БОРЬБЫ и ПОБЕД	25—60
На золотой цевн. — Фабрика. — Как они жили. — Перед рассветом. — К первой революции. — Шестидесять пять дней. — Жертвы. — Приказный мост. — По дороге к Октябрю. — Вся власть советам.	
ВЧЕРА... СЕГОДНЯ... ЗАВТРА...	61—80
На фронтах войны и разрухи. — Мы осматриваем город. — Город на стройке. — План великих работ.	

8 - 2010

Иваново-Вознесенск на стройке.
Вид на фабрики Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры и на
посадскую часть города, открывающийся с нового почтамта

ВЕТЕР налетает порывами, гудит и рвет. Мы стоим высоко над городом, на верхней площадке большой Воздвиженской башни, под часами, которые вызванивают каждый час, полчаса, четверть. Чтобы взобраться на эту площадку, нужно преодолеть целых сто семьдесят три ступеньки. Зато отсюда прекрасно виден Иваново-Вознесенск, громадный фабричный город,— центр мощной промышленной области. Вот он широко раскинулся внизу: крошечные, пестро крытые домики окраинных слобод, похожие на коробочки; длинные каменные прямоугольники новых построек; высокие фабричные трубы, вырастающие над кирпичными корпусами. Направо, налево, прямо—езде разбросаны то белые,

то серые, то красные громады новых домов и фабрик. По широким и ровным улицам (сверху они особенно ровные, словно по линейке проложены!) торопливо бегают взад и вперед автобусы, похожие на жучков. Отдельными точками и целыми группами чернеют пешеходы. Движение в городе большое: в нем живет более 170.000 человек; он занимает только в два с половиной раза меньше земли, чем столица Германии—Берлин.

В западной стороне города сверкает на солнце стеклянной лентой своих широких окон фабрика имени Ф. Дзержинского. У нее плоская крыша, трубы нет. Паром и энергией фабрику снабжает по трубам особая пароэлектроцентраль. За белыми стенами „Дзержинки“ густеет темная зелень сосен. Это—лучшее место прогулок для ивановцев—Степановский парк. До революции он назывался Гарелинским. А ближе парка и ближе „Дзержинки“ краснеет девятиэтажная башня недавно отстроенного дома для рабочих на 250 квартир.

А там, к северу—за вокзалом, словно настороженная голова над стеклянно-железобетонным туловищем, приподнялась угловая башня другой новой ивановской фабрики: прядильной „Красная Талка“. Построена она на том месте, где в 1905 году ивановские ткачи выбрали первый в России и в мире Совет рабочих депутатов. На юго-восток расположены большие корпуса и зубчатые крыши Меланжевого комбината. Это самая большая фабрика в мире из тех, что вырабатывают одежный товар. Комбинат пущен в 1929 году. Его корпуса занимают в длину почти километр.

Но спустимся вниз, к шумным улицам центра, к тихим окраинам. Заглянем на фабрики, где грохочут станки, и в рабочие квартиры и клубы. Пройдем мимо новых многоэтажных домов, где живут рабочие теперь, и мимо уцелевших еще кой-где развалюшек, где они жили когда-то. Проследим в столетиях путь тяжелого труда, борьбы, поражений и побед, путь, которым прошел город от бесправного крепостного села Иванова к пролетарскому областному центру.

От ткацких светелок к фабричным корпусам

Город красных ткачей

Иваново-Вознесенск — центр Ивановской Промышленной области — рабочий город, „город ткачей“, как его называют. А еще зовут „Красный Манчестер“, потому что он в нашей стране имеет такое же значение, как в Англии город Манчестер, где находятся крупнейшие английские текстильные фабрики.

В Иваново-Вознесенске сейчас 12 таких фабрик. На них занято около тридцати тысяч рабочих. Иваново — главный город целой промышленной области. Из всего хлопчатобумажного производства РСФСР на Ивановскую Промышленную область падает до 45 процентов. А если взять льняную промышленность, которая тоже сильно развита в области (в самом Иваново льняных фабрик нет), то окажется, что три четверти всех льняных тканей РСФСР выработывается в Ивановской области. Вот в центре какого промышленного края стоит Иваново.

За годы революции в Иваново построено три главных текстильных предприятия: прядильно-ткацкая фабрика имени Дзержинского, которая обошлась в 12 миллионов рублей, прядильная фабрика „Красная Талка“ и Меланжевый комбинат. „Меланжевый“ — от французского слова „меланжé“ (смешивать). На этой фабрике для пряжи смешивается хлопок, окрашенный в разные цвета. Когда комбинат заработает полным ходом, он будет выпускать одежной ткани на 23 миллиона костюмов в год! Комбинат пущен в 12-ю годовщину Октябрьской революции (7 ноября 1929 года), но пока это только — половина: к 1934 году будет выстроено

еще столько же, и комбинат будет самой большой в мире фабрикой меланжевых тканей.

Одновременно с строительством новых фабрик переделываются на новый лад и старые, построенные еще фабрикантами. Все чище и просторнее становится на старых ивановских фабриках... Вводится новое оборудование, облегчается труд рабочего, улучшается качество продукции.

Строятся в Иванове, кроме текстильных предприятий, и заводы тяжелой индустрии. Приступлено к строительству нового завода торфяных машин. Строится завод искусственной подошвы. Будут построены заводы станкостроения и машиностроения.

Индустриализуется Иваново на новый лад.

В ближайшее время по постановлению Центрального комитета Всероссийской коммунистической партии Иваново должно быть превращено в действительный хозяйственно-культурный центр области.

Таково будущее Иванова.

А в прошлом...

Крепостное село

Иваново-Вознесенск как город существует всего 60 лет,—с 1871 года. До 1871 года существовали отдельно: село Иваново и Посад-Вознесенский. А если отсчитать еще 26 лет назад, если вернуться к 1845 г., то не было тогда ни Посада-Вознесенского, ни слободы, из которой он вырос,—было одно село Иваново.

В каком именно веке возникло Иваново—трудно сказать; на этот счет точных сведений до нас не дошло. Известно только, что в 1561 году село Иваново уже существовало: в том году его подарил царь Иван Грозный своим родственникам князьям Темрюковичам-Черкасским. От Черкасских оно перешло во владение князей Скопиных-Шуйских, потом просто Шуйских и затем опять к Черкасским. Наконец, с половины XVIII-го века попало село Иваново, со всеми землями и людьми, в собственность к графу Шереметеву.

Никто из владельцев села в нем не жил, управляли заочно, и только однажды, в 1771 году, когда в Москве и Петербурге¹ свирепствовала чума,—граф Шереметев, спасаясь от страшной заразы, приехал в свое село, которого никогда перед тем не видел. И село графу не понравилось, как не понравилась и скверная дорога: „С превеликим беспокойством и трудностью в село Иваново сего сентября 27 дня с Варварою Петровной (женою) и со всею своею свитой приехал я благополучно, где учредил нарочных людей, с которыми буду посылать письма в Москву“—так на старинном языке того времени писал граф своему московскому управителю по приезде в Иваново. В другом письме граф жалуется, что „здесь к прожитию моему во многом недостаток, и достать ничего негде“. Известны еще несколько писем графа с приказаниями: „купя, отправить ящик унгерской водки хорошей дюжин шесть, лоделаван 6 бутылок, сыскав самой хорошей же“;² затем: „прислать ко мне, как можно скорее, бумаги голанской³ хорошей, обрезной в золоте, в четверть листа, стопу; перьев голанских пять пучков⁴ хорошего песку черного⁵“.

Достать тогда, правда, мало чего было можно в селе Иваново.

Село было небольшим, узко протянутым по правому берегу реки Уводи. Вдоль берега стояли избы: „портомойни“, где свежее-окрашенный товар промывался в проточной речной воде; „заварки“ где товар „заваривался“ в крепком настое из коровьего помета, и „набойни“, где тяжелыми досками, вручную „набивался“ на ткань рисунок. От этих старинных построек остались следы в виде торчащих кое-где из

¹ Так назывался тогда Ленинград.

² Лоделаван—душистая туалетная вода, употреблявшаяся в старину вместо одеколона.

³ „Голанской“—вместо „голландской“. Такова особенность тогдашнего правописания.

⁴ „Перьев пять пучков“. Тогда писали гусиными перьями, и они считались на пучки.

⁵ Песком в те времена присыпали написанное, так как промокательной бумаги еще не было.

Уводи свай, которые и сейчас еще можно видеть в разных местах города Иванова.

А на противоположном, левом берегу зеленела густая, сочная трава; на траву расстилали ткани, чтоб они отбеливались на солнце. Сейчас есть в Иванове, около вокзала, Второй рабочий поселок. В несколько рядов выстроились большие, крепкие дома рабочего жилищного кооператива; низ такого дома каменный, верх бревенчатый и еще мезонин-светелочка; всего в каждом доме шесть квартир. Конечно, есть электричество. Поселок этот иначе, по-старому, называется „Бельник“, от слова „белый“: все пространство тут было покрыто той самой травой, на которой отбеливали ткани.

Вырабатывать холсты крестьяне села Иванова начали очень давно. Еще за сто с лишним лет до описанного нами приезда в село графа Шереметева, когда село принадлежало князьям Шуйским, оно было уже селом торгово-промышленным: большинство крестьян занималось не хлебопашеством, а выделкой и продажей холста. Уже в то время ивановцы торговали на ярмарках Шуйского района.

Вообще, различные промыслы—главным образом выработка тканей—и торговля во всем этом краю начали усиленно развиваться очень давно. Причины тут вот какие. Почвы во всем районе малопродуктивные,—песок да суглинок; значит, земледелием заниматься было невыгодно. Пути сообщения в те далекие времена были единственно речные. А у местных жителей эти пути—Волга, Ока и их притоки—находились близко; реки соединяли этот край удобным сообщением и с торговым северо-западным районом, и с востоком, и с южным земледельческим районом.

Поэтому-то еще в семнадцатом столетии уже существовали в крае крупные для своего времени торгово-промышленные центры. Поэтому-то и в селе Иванове, в котором, по переписи 1632 года, было 108 дворов,—только 16 дворов занимались хлебопашеством. Остальные вырабатывали пряжу, ткани и торговали ими.

Но те, кто вырабатывал тогда пряжу или ткань на заказ, сдавая ее купцу, не были еще предприни-

мателями. Такой мелкий производитель работал сам со своей семьей, и не для прибыли, а для пропитания. Он зарабатывал деньги только своим собственным трудом, а чужой работой не пользовался и никаких доходов от нее не получал.

Шли годы и десятилетия. Русское купечество—торговая буржуазия—накапливала капитал. Накопленный „торговый капитал“ и привел, в конце-концов, к появлению первых фабрик. Так в восемнадцатом веке в крепостной России зародилась и начала развиваться уже крупная текстильная промышленность. Первые фабрики, или, что будет вернее, „мануфактуры“ бы и созданы уже предпринимателями, и само производство на них было поставлено капиталистическим образом. Из чужого труда, из труда наемных рабочих хозяин—предприниматель извлекал прибыль.

Так было во всей русской ткацкой промышленности, таким путем развивалась и промышленность села Иванова. Из среды мелких скупщиков товара, выработавшего мелкими предпринимателями—кустарями, выросли основатели первых крупных фабрик—„мануфактур“. В селе Иванове первыми основателями „мануфактур“ явились крепостные крестьяне: Бутримов, Грачев, Ямановский, Гарелин. Хлебопашеством они не занимались, а выплачивали помещику „оброк“¹, промышляя торговлей и ткачеством. Одни из них скупали и перепродавали товары у своих же односельчан; у других в то же время были и свои домашние „станции“. Эти нанимали себе рабочих, открывали „ткацкие светелки“, а также раздавали материал для обработки по деревням, на дом. Богатей, из мелких хозяйчиков они становились крупными мануфактуристами, хозяевами „мануфактур“. Так возник в Иванове, как и по всей России, промышленный капитализм.

В восемнадцатом столетии хозяйственная мощь Иванова усиливается. Появляются первые фабрики—

¹ Оброк—известная сумма денег (или количество продуктов), которую обязаны были выплачивать помещику крепостные крестьяне вместо „барщины“—личного обязательного труда на господской земле.

полотняные и набивные. Много домашних заведений, занятых набойкой по холсту. Торговые связи ивановцев с соседними и даже отдаленными районами расширяются. Любопытное описание Иванова середины XVIII-го столетия встречается у одного тогдашнего историка, Анания Федорова:

„От села Кохмы в полночь (к северу), расстоянием верст в восемь, есть село Иваново Черкасских князей, а ныне за графом Шереметевым. Село селением велико и пространно, а строением богато, хотя и деревянные дома, но весьма изрядных много; обыватели больше торговые, а пахотных малое число в селе, кроме деревень, понеже¹ в селе и деревнях одного помещика владения более семисот дворов к одному приходу... В оном селе Иванове у обывателей имеются фабрики полотняные, на которых штуки разные ткут: канифасы,² салфетки и прочие им подобные, и не токмо на фабриках, но и кроме их полотна знатные состроят и белят, и которые полотна и в других местах честь имеют, и множество тех полотен отвозят торговые люди по разным странам“.

Такое впечатление производила тогда на современников ивановская промышленность и торговля. Уже позднее, в 1817 году, в одном из описаний села Иванова указывалось: „...здесь выделяется одних мануфактурных изделий, как-то: миткалю, полотна, ситцу на сумму до 7 миллионов, а торговля оного (села) простирается до 6 миллионов. Село Иваново заключает в себе весьма много полезных ремесленников и художников, коих считается до пяти тысяч человек“.

Тогда и семь миллионов рублей приводили современников в восхищение, тогда и пять тысяч человек „ремесленников и художников“ считались „великим

¹ П о н е ж е—старинное выражение. Означает: потому что.

² К а н и ф а с—старинное название одного из сортов льняной ткани.

множеством". Тогда на всем пространстве, где выросли потом дома, фабрики и улицы Посада-Вознесенского, Хуторова и Графской земли,—шумел мохнатой зеленой чащей густой, непроходимый лес. В этом лесу легко было заблудиться; тут, в тени толстейших сосен да высоких берез, водились медведи, волки, лисы, белки... На сотни километров шли дремучие леса—к Ярославлю, Вологде, к Москве, Костроме.

Сорок лет тому назад по склонам Покровской горы, вокруг собора, росли сосны, которым насчитывалось по 300 лет. Деревья эти были последними остатками дремучего ивановского бора,—но им тоже пришел конец. За несколько лет до 1900 года известный в Иванове фабрикант Мефодий Гарелин предложил, для „украшения“ горы, срубить сосны. Срубили. Гору обрыли, округлили и обнесли, кроме старой каменной ограды, железной решеткой.

Насчет решетки у фабрикантов были свои особые соображения. В то время на Покровской горе больше всего любили собираться безработные ивановцы. Говорили о своих нуждах, узнавали друг у друга, где какую работу можно получить.... Внизу, под горой, гремят и пыхтят фабрики, но для людей, собравшихся на горе, не хватило работы на фабриках; они, случалось, целый день проводили здесь в разговорах и думах о своей тяжелой, голодной доле. Покровскую гору в те годы стали звать еще „Думной горой“. Чтобы не дать собираться на горе безработным и бездомным, гору обрыли и поставили решетку.

Ивановская набойка

Иваново славится своей „хлопчатобумажной“ промышленностью. Но до начала девятнадцатого века хлопка в Иванове не употребляли. Так называемая „бумажная“ пряжа появилась в Иванове только около 1805 года. А до этого пряжу выделывали из конопли („холст“) и местного льна—главным образом суздальского (полотно). Ткани из этой пряжи вырабатывались тогда очень простыми и незатейливыми способами.

Чутьлине в каждой ивановской избе стоял „ткацкий стан“, а то и два; на этих неуклюжих станках ткались тяжелые и прочные холсты. Точно так же, „посемейному“, в сараях и банях варили краску, которой потом красили холсты, набивали на них рисунки. Готовую „набойку“—как назывались эти ткани—потом продавали на базаре, здесь же в Иванове или в других местах поблизости.

Это был самый кустарный, домашний способ, когда каждая семья работала только своими силами. Потом появились „ткацкие светелки“, где кроме своих работали уже и чужие, нанятые хозяином, люди. Труд здесь применялся исключительно ручной, механических станков не было. Да и ручных-то станков в каждой светелке стояло десятка два, не больше. В начале девятнадцатого века, когда по вязким берегам Уводи стали вырастать фабрики в один и два этажа, на них двигательной силой служили только лошади или вода реки Уводи.

Вместе с появлением ткацких светелок стали вырастать „набойные“ или „набоекные“ заведения, в которых тоже работали уже наемные рабочие. Они недаром назывались еще „набойными избами“: это и были большие избы с длинными столами посередине. Сперва в каждом таком заведении рабочих было занято немного,—человек по десять, по двадцать. Здесь холст превращался в „набойку“, и этим завершался несложный, но долгий путь тогдашней ткани.

Резчик вырезал на деревянной доске рисунок, которым желательно было украсить ткань. Иногда в некоторых местах рисунка в доску вставлялись еще кусочки металла. Готовая доска называлась „манером“. На суконке растиралась краска, и к ней надо было осторожно приложить „манер“. Потом эту доску, на которой рисунок уже покрылся краской, прикладывали к чистому холсту, разостланному на столе. Таким образом, узор накладывался, „набивался“ на холст: отсюда и слово „набойка“. Если набойка должна была делаться не в один цвет, а в несколько, то набойщику приходилось на один кусок холста наклады-

вать узоры по несколько раз, разными „манерами“ и разными красками. А иногда холсты не набивали, а „крапили“. Отсюда пошли известные сорта ситца: „в крапинку“. Это делалось проще. На особый веник набойщик осторожно брал жидкой краски и „крапил“, брызгал краской на холст.

Для прочности и яркости ивановцы заваривали свою набойку в „заварках“, потом долго полоскали в „портомойнях“ на реке.

В Ивановском областном музее есть образцы этой самой набойки. Некоторым кусочкам ткани почти 200 лет,—но рисунок вполне сохранился: такая она была прочная—ивановская набойка. В конце восемнадцатого века некоторые ивановцы ездили продавать набойку уже далеко, — на Макарьевскую ярмарку, и даже в Астрахань. А до этого, кроме торговли у себя в базарах, делали иногда так. Положит набойщик в мешок свои „манеры“ и краски, вскинет мешок на плечи—и пошел по деревням и селам:

— Холсты крашу!.. Холсты набиваю!..—Кому холсты красить-набивать!..—Это уже получалась продажа не готовой набойки, а своей рабочей силы, своего умения.

В то время в селе Иванове уже начинали зарождаться фабрики, где применялся наемный труд. Работавшие в этих „светелках“, „набойных“, „полотных“ (полотняных) и других „заведениях“ рабочие находились в двойном рабстве. С одной стороны, все они были крепостными крестьянами, то-есть находились в полной собственности помещика. Крепостные крестьяне в России были все равно, что вещи: помещики продавали их друг другу целыми деревнями и отдельными семьями; живых людей проигрывали в карты, променивали на разные предметы, на охотничьих собак... случалось, что у жены отнимали мужа или у родителей—детей, потому что их продавали, проигрывали, меняли другому помещику. Точно в такой же рабской зависимости находились и крестьяне села Иванова: граф Шереметев был их полным, неограниченным хозяином. С другой стороны—поступавший на фабрику

крестьянин-рабочий кроме своего крепостного рабства принимал на себя другое рабство,—тяжелую зависимость от хозяина фабрики.

Второго сентября 1789 года Иван Иванович Лапин, „Ковровской округи, вотчины лейбгвардии Преображенского полку сержанта, князь Петра Ивановича Тюфякина, села Лежнева, деревни Вотол крестьянин“¹ заключил с Ефимом Ивановичем Грачевым договор. У Ефима Ивановича Грачева была в Иванове „полотная“ (полотняная) фабрика. Лапин отдал Грачеву на фабрику в работу своего сына Игната на десять лет. Плата была установлена по двадцать рублей в год. Эти деньги за десять лет вперед—двести рублей—Лапин-отец получил при заключении договора, „на свою необходимую нужду, на покупку за детей своих рекрута“, то-есть, на наем человека, который за деньги согласился бы идти на военную службу вместо Лапина-сына. По договору, Игнат Лапин обязан был жить у Грачева условленные 10 лет „во всяком послушании, неотлучно безо всяких прогулов, и без воли хозяйской никуда не отлучаться“. А если сын „будет ослушен, или без слова хозяйскова куда отлучится“, то отца, по договору, будут „подвергать телесному наказанию“—пороть розгами. Пища и одежда у Игната должна быть своя. В случае болезни, неспособности Игната к работе или его смерти—Лапин обязан „безоговорочно“ представить Грачеву другого сына, Михаила.

Так говорилось в договоре, подписанном кроме Лапина еще двумя поручителями, а также, „для крепости“, священником Петром Лукиным.

За двести рублей богатый раб графа Шереметева, купец и фабрикант Ефим Грачев купил на десять лет такого же крепостного раба, только бедного—сына крестьянина Лапина.

¹ „Округа“—старинное административное деление территории России. „Ковровская округа“ позднее стала Ковровским уездом, Владимирской губернии. „Вотчина“—родовое недвижимое имение, населенная земля. „Лейб-гвардия“—одна из войсковых частей царской России. „Сержант“—старинный военный чин; соответствует позднему унтер-офицеру, фельдфебелю.

Идет машина

Первая полотняно-ткацкая фабрика возникла в селе Иваново в 1745 году. Она была основана крестьянином Григорием Бутримовым: на ней было около сотни станков; фабрика эта скоро закрылась. Другая, начавшая работать с 1751 года, принадлежала крестьянину Ивану Грачеву—отцу Ефима Грачева, который купил сына у Ивана Лапина. На этой фабрике работало около трехсот станков.

Если будете в Иваново и зайдете в областной музей,—посмотрите там копию плана села Иваново, составленного в 1774 году. План подробный. На нем указаны уже три фабрики: Ефима Грачева, Ивана Гарелина и Ивана Ямановского. Имеются на плане церкви, кабаки, лавки, „богадельни“ (дома для немущих стариков и старух). Наиболее крупные дома тоже помещены на плане; есть тут и „вотчинный приказ“ графа Шереметева (контора графского управителя), и „черная изба“: в нее сажали провинившихся в чем-либо крестьян, изба была вроде маленькой тюрьмы.

Из этих трех фабрик самой большой была Грачевская. У Гарелина работали 75 человек, у Ямановского 199, а у Грачева 382 человека. Ефим Грачев сам покупал для своей фабрики крепостных крестьян. Ему как крепостному приходилось совершать такие покупки „на имя графа“. Потом он накупил пустовавших земельных участков, и на этой земле поселил хуторами (отдельными домами) „собственных“, купленных крестьян-рабочих. Теперь понятно, почему целая часть города в теперешнем Посадском районе называется „Хуторово“. Там же есть и две Грачевских улицы. Так начал заселяться Посадский (переименованный теперь в Сталинский) район.

В 1787 году в Иваново открывается первая набивная фабрика Сокова (вот откуда получил свое имя Соковский мост, один из мостов через Уводь в Иваново). Вскоре появились и другие фабрики. К этому времени ивановские ткани продаются уже не только

на ближайших ярмарках, но и в Москве, Петербурге, Астрахани, на Украине и в других местах. По всем концам тогдашней России славится уже своими изделиями Ивановский район, и большинство этих изделий идет даже за границу—в Англию. Село Иваново благодаря своему промышленному значению начинает уже подчинять себе окружающие районы. Из Кинешмы, из Нерехты, из Юрьевца идет в Иваново „суровый“ материал, и в ивановских набивных и красильных становится цветной и узорной тканью.

Все это—пока еще только льняное ткачество. Хлопчатобумажная промышленность в конце восемнадцатого века здесь только еще зарождается. Продавая в Астрахани свои ткани, ивановцы познакомились с бухарским хлопком и начали его употреблять. Появляются так называемые „выбойки“ по бухарской бязи и бумажные платки. Но способы обработки бумажной пряжи тогдашним ткачам еще не были известны; они употребляли бумажную пряжу вместе с льняной: основу (продольные нити, идущие вдоль станка) брали льняную, а уток (поперечные нити)—бумажный.

Во второй половине восемнадцатого века в Англии появилась механическая прядильная машина (механический ткацкий станок был изобретен раньше). После этого механическое прядение и ткачество стало быстро развиваться в самой Англии. Иностранные рынки перестали нуждаться в таких больших количествах наших льняных тканей. Больше того: и русские-то рынки стали в конце столетия все больше и больше заполняться иностранными бумажными тканями: они были легче, разнообразней по рисункам и цветам, да и дешевле. Бумагопрядение и бумаготкачество начинают развиваться в России,—развиваются они и в селе Иваново. Вместо тяжелых полотняных платьев все больше и больше распространяются хлопчатобумажные. Полотняное производство сокращается, им занимаются лишь кое-где „светелочные“ ткачи.

Много больших фабрик было к тому времени и в Москве и в Петербурге. Московские фабрики вместе с

петербургскими являлись сильными соперницами ивановских фабрик на рынке. Но в 1812 году в Москве—французы с Наполеоном; Москву разоряет пожар. Долго не могли оправиться от разорения московские фабрики. С этого времени первая роль переходит к промышленности села Иванова; от пленных иностранцев ивановцы узнают, как надо ткать миткали (белый, без рисунка, ситец) при помощи челнока—„самолета“, который был изобретен еще в 1733 году английским ткачем Джоном Кэй (до этого ткач—на ручном станке—одной рукой прокидывал челнок сквозь так называемый „зев“, а другой рукой ловил его). После 1812 года хлопчатобумажное производство, выработка ситца, развивается в Иванове „не по дням, а по часам“.

На фабрике Спиридонова впервые начинают применять механическое печатание ситцев. Это было в 1828 году. А через четыре года (1832 год) появилась—на фабрике Гарелиных—паровая машина в 12 сил. В ситценабивное производство машина пришла раньше, чем в другие отрасли. Это были так называемые „цилиндропечатные“ и „цилиндронабивные“ машины. Их появление сильно ударило по заработку рабочих-набойщиков и вообще по их положению. До того искусство набойщика ценилось очень высоко; набойщики зарабатывали большие суммы, и многие из них сами становились впоследствии владельцами ситцевых фабрик. Машина сократила и заработки и число набойщиков на фабриках.

Переходить к машинному производству фабрикантов заставляла взаимная их конкуренция на рынке. При ручном способе работы производство мелкого фабриканта часто давало ему больше выгод, чем крупному. И „сбить“ своего соперника крупный фабрикант мог только машиной. Она давала ему возможность держать гораздо меньше рабочих, да и платить им на много меньше.

Особенный успех распространению машин принесло изобретение француза Пиррота. В тридцатых годах девятнадцатого века он изобрел набивную машину, печатавшую ситцы уже не цилиндрами, а прямо

с плоских форм. Машину в честь изобретателя назвали „пирротинной“. Через десять с лишним лет пирротина появилась и в России, и в нашем ивановском крае— сперва на шуйских фабриках, а потом и в Иванове. И если к 1840 году на ситценабивной фабрике Петра Зубкова в Иванове работало круглый год до 250 набойщиков, то в 1854 году их оказалось достаточно уже 60 человек... А вот как снизились заработки; около 1810 года набойщик зарабатывал в месяц от 12 до 20 рублей; к 1830 году—от 8 до 15-ти, а к 1850 году только от 6 до 12 рублей „серебром“ (по тогдашнему счету). В то же время жизнь дорожала. Пуд ржаной муки за эти сорок лет поднялся в цене от 14 до 60 копеек. Зато каждая такая пирротина с двумя рабочими могла сделать в день столько, сколько раньше при ручной работе делали 30—50 человек.

Вскоре после ситценабивных появились в Иванове и бумагопрядильные машины. Первую бумагопрядильню в селе Иванове устроил в 1838 году купец Бабурин. Фабрика эта просуществовала только три года. Умер Бабурин, и его фабрика закрылась. Через восемь лет появилась другая фабрика—Никона Гарелина. В 1859 году на этой фабрике был один корпус в пять этажей, два трехэтажных и два двухэтажных; всех рабочих на фабрике было 532 человека.

Дольше всего держалась ручная работа в ткацком производстве. Ткать продолжали ивановские крестьяне-ткачи в своих маленьких избах—„светелках“: тут печи топились не „по-черному“, как в жилых избах, а были устроены трубы, чтобы не коптилась от дыма ткань. Ткачи брали пряжу для работы либо прямо от хозяина фабрики, либо чаще всего от „мастера“, а сам мастер ее получал от особого подрядчика, и только подрядчик имел дело с фабрикантом. Вот через сколько рук проходила пряжа, прежде чем попасть на незатейливый станок „светелочника“-ткача! Ручной станок и светелочное ткачество держались долго. Даже в пятидесятых годах прошлого столетия, когда ивановским фабрикам требовалось в год

целых два с половиной миллиона кусков миткаля, все это количество выделялось крестьянами-ткачами.

Только к семидесятым—восемидесятым годам девятнадцатого века механические ткацкие фабрики окончательно вытеснили ручную работу.

К этому времени чрезвычайно увеличилось количество оборудованных машинами ситцепечатных фабрик. Еще в половине прошлого столетия Иваново становится центром ситцепечатания в крае. В 1871 г. из 48 ивановских фабрик и заводов 38 фабрик было ситцевых. Развитие ситцевого производства и сделало город центром всего мощного текстильного района. Почти все прядильно-ткацкие фабрики, расположенные вокруг, должны были направлять свои изделия в Иваново-Вознесенск для окончательной отделки, так как только после обработки на ситцепечатных и отделочных фабриках текстильная продукция становилась готовой окрашенной тканью.

Так на берегах реки Уводи застучали, засвистели, загремели машины.

Село стало городом

Крепостной фабрикант Ефим Грачев еще в восемнадцатом веке скупал пустовавшую землю и селил на ней—хуторами—своих рабочих, отсюда и пошло название: „Хуторово“. Так рядом с селом Ивановом стали возникать отдельные „слободы“. Богатая, крепостные фабриканты начали „выкупаться на волю“; они платили графу Шереметеву большие деньги и за это получали свободу, переставали быть крепостными. Имеются старинные документы, из которых видно, что условия „выкупа на волю“ были очень тяжелыми. Надо было внести крупную сумму, а, кроме того, фабрика и другое имущество продолжало считаться собственностью помещика и только оставлялось „в пользовании“ выкупившегося фабриканта. Поэтому выкуп на волю был под силу только богатым. Но богатства фабрикантов увеличивались быстро, и фабриканты уходили из-под помещичьей власти. Так в 1829—30 годах из

тридцати трех фабрикантских семейств пятнадцать купило себе у графа „волю“. В крепостном селе промышленной и торговой деятельности фабрикантов и купцов все-таки мешали, их теснили разные помещицы управляющие.

Выкупившиеся на волю и вновь пришедшие в село промышленники и торговцы стали выселяться в новые слободы.

Большую Дмитровскую мануфактуру (фабрика имени Балашова) знает всякий ивановец. В районе этой фабрики есть и Дмитровская улица. Есть еще Мало-Дмитровская фабрика. Почему все они так называются? Что было раньше на месте этих фабрик и улиц в западной стороне города?..

До 1821 года—ничего не было. Была пустошь Дмитриевка, принадлежавшая графу Воронцову. В 1821 году купец Корноухов купил эту пустошь, и она стала впоследствии слободой Дмитриевской. А на юго-западе четверо купцов: Киселев, Лепетов, Бабурин и Спиридонов в том же году купили участок земли у помещицы Барсуковой. Тут образовалась Воробьевская слобода, а потом, когда построили церковь пророка Ильи,—она стала называться Ильинской. Большие участки земли на севере и востоке были куплены в 1828 году братьями Гарелиными, выкупившимися на свободу; потом Бурлыным и братьями Беловыми была куплена пустошь Березники... Все новые и новые поселки возникали вокруг села; в этих поселках жила уже свободная буржуазия.¹

Новые слободы (Ильинская, Троицкая, Дмитриевская или Дмитровская и Вознесенская) с фабриками в 1854 году были объединены правительственным „указом“ в Вознесенский-Посад. Посад развивался

¹ Б у р ж у а з и я—выражение, взятое с французского, в буквальном переводе означает: „городское сословие“. В широком смысле слова под буржуазией понимается общественный класс, извлекающий свои доходы из торговых, промышленных и кредитных операций. Буржуазия, стоящая у власти во всех государствах, кроме СССР, владеет на правах частной собственности средствами производства, служащими орудием эксплуатации рабочего класса.

очень быстро; через пять лет в нем было уже 6.848 человек жителей, 34 фабрики и завода, и купеческих капиталов в нем находилось на общую сумму около полмиллиона рублей.

Промышленность села Иванова и Посада-Вознесенского крепла с каждым годом. В 1857 году годовой оборот капиталов (села и посада вместе) достигает десяти миллионов рублей серебром.

Уже появляется выражение: „Русский Манчестер“, — так велико к тому времени значение ивановских фабрик.

В 1868 году еще одно очень важное событие происходит в жизни села и посада: открылось движение поездов по новой железнодорожной линии от станции Новки, Московско-Нижегородской железной дороги, до станции Иванова.

Тогда же начали строить и линию от Иванова до Кинешмы.

Это событие, действительно, было очень важным: железная дорога соединила Иваново с Москвой, Нижним-Новгородом и Волгой. А за семь лет до открытия железнодорожной станции Иванова, в 1861 году было отменено крепостное право, т.-е. произошло освобождение крестьян из собственности помещиков и от земли.

Освобождение крестьян из полной собственности помещиков подготавливалось давно. Еще в начале тридцатых годов XIX столетия в тогдашнем „Журнале Мануфактур и Торговли“ писалось: „всякая работа, в которой принуждение есть единственная пружина, никогда не будет производиться успешно“. Описывая положение своих фабрик, хозяева-фабриканты всячески доказывали, что даже крепостные, получающие за свой труд „задельную“ плату,¹ работают несравненно успешнее, чем крепостные, работающие в порядке обязательной „барщины“. А вольнонаемный труд шел еще успешнее, давал еще больше прибыли.

¹ „Задельная плата“ (иначе „сдельная“) — плата, которую рабочий или служащий получает за каждую произведенную им вещь или определенную выполненную работу, а не за время работы.

Фабричная барщина большинством помещиков, владевших фабриками, была признана невыгодной по сравнению с трудом вольнонаемных рабочих.

Развивавшейся русской промышленности нужны были вольные и дешевые рабочие руки. А дворянам-помещикам нужны были деньги, нужно было заменить барщинный труд наемным, и крепостного крестьянина — батраком. Но не только одни эти причины привели к падению крепостного права. С каждым десятилетием среди находившихся в рабстве крестьян усиливалось волнение; возрастало число так называемых „крестьянских бунтов“, усиливалась борьба крестьян с помещиками-крепостниками. Все это заставило, наконец, царя Александра II „признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу“.

19 февраля 1861 года крепостное право было окончательно отменено.

При этом крестьян заставили выкупать у помещиков ту самую землю, которую крестьяне всегда обрабатывали, землю, которой помещик и не пользовался. Эти платежи, которые были принуждены производить крестьяне, известны под названием выкупных.

Объявленная 19 февраля „воля“, которая на самом деле была, по выражению тов. Ленина, „бессовестнейшим грабежом крестьян“, конечно, не удовлетворила крестьянство, замученное каторжными условиями крепостничества. Начались волнения. „Освобожденных“ крестьян пришлось усмирять розгами; доходило до настоящих военных действий. За два года в 2.115 селениях была применена военная сила, при чем было много убитых и раненых крестьян.

Вот как ограбило крестьян так называемое „освобождение“ их от крепостной зависимости. Лучшие участки земли остались помещикам. Помещичьи хозяйства получили более выгодных вольных работников. Урожай пшеницы, ржи, ячменя и овса повысились. Вырвавшийся из-под власти крепостников крестьянин попал под власть денег, оказался в зависимости от нарождавшегося капитала. „После 1861 года развитие

капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века" (Ленин).

Быстро пошла вперед промышленность, особенно текстильная: она тоже получила дешевые руки вольнонаемных рабочих.

Такое быстрое развитие промышленности после 1861 года мы наблюдаем и в селе Иваново, переставшем быть крепостным.

Когда крепостное право было уничтожено, — и в селе Иваново, и в Посаде-Вознесенском подняли вопрос о соединении двух этих селений: ведь они были расположены рядом, хозяйственные интересы у них были общие, и отдельное их существование было ни к чему, да и невыгодно. В 1869 году Ивановское сельское и Вознесенское посадское общества избрали комиссии для разрешения вопроса о соединении Иванова с Посадом в одно городское поселение. Наконец, — после долгого разбирательства в комитете министров и у царя — 21 июля 1871 года село Иваново и Посад-Вознесенский вместе получили одно имя:

— Безуездный город Иваново-Вознесенск.

Мы упоминали о плане села Иванова, составленном в 1774 году. Тогда в селе было три фабрики. А к моменту, когда Иваново-Вознесенск стал городом, в нем было уже 48 фабрик и заводов; разных изделий вырабатывалось на двенадцать миллионов рублей. Двести пятьдесят шесть каменных и 1.652 деревянных дома было в новом городе; в этих домах жили 10.832 человека.

С удивительной быстротой разрастался новый город.

Через десять лет городское население увеличилось до 15.370 человек. Промышленных предприятий уже 51, на них вырабатывается товаров почти на девятнадцать миллионов рублей в год.

Миллионы превращаются в десятки миллионов. Проходит еще двадцать лет — и в 1900 году, на пороге нового столетия, в Иваново-Вознесенске уже

64.628 человек жителей, 59 фабрик и заводов; на этих предприятиях трудится почти двадцать семь тысяч рабочих. Они, эти тысячи ивановских рабочих, вырабатывают больше, чем на 58 миллионов рублей разных изделий.

А как живут в это время они сами?

Годы борьбы и побед

На золотой цепи

Много ли в Иванове тротуаров?.. На такой страшный вопрос всякий, вероятно, просто улыбнется. „Зачем их считать? Для чего?“ Но было время, когда сосчитать ивановские тротуары было легче-легкого! Через двенадцать лет после того, как село Иваново и Вознесенский-Посад стали городом,—в 1883 году, когда с каждым днем развивалась промышленность и росли прибыли фабрикантов, в Иванове был только один тротуар, на одной-единственной улице. Все остальные улицы были немощеными, грязными, особенно весной и осенью.

То было время, когда капитализм в России окреп и быстро развивался, когда Россия вступила в „период развитого капитализма“. Мелкие предприятия объединялись, становясь крупно-капиталистическими. Производство из года в год расширялось, механизировалось. Обороты фабрикантов увеличивались. Бывшее село становилось городом с огромным промышленным значением.

Но по внешнему виду Иваново оставалось все тем же селом,—очень-очень большой, раскинутой деревней. На кривых ивановских улицах тесно прижались друг к другу деревянные хижиньки-избенки в два, в три окна. Много развалюшек, крытых соломой. Нет хороших дорог, нет водопровода, канализации. Серое море маленьких, жалких домиков,—а над ними, словно скалистые острова, возвышаются кирпичные громады фабрик да роскошные дома-дворцы. В покосившихся хижинах живут рабочие, а в двор-

цах, где паркетные полы, где стены и потолки с золотыми украшениями,— в дворцах живут фабриканты.

Вот как описывает писатель-ивановец Волков тогдашний вид Иванова:

„Исполинским, сказочным чудовищем кажется фабричный город издали: могуче шевелится и дышит его огромное, серое тело, высоко подняв кверху черные хоботы-трубы; неустанно плюется чудовище в небо целыми тучами черного дыма и желто-грязного пара; сотнями голосов-гудков воет и шипит оно, сотрясая воздух глухим гулом тысяч машин и станков. Точно гигантские щупальцы спрута, крутясь и извинаясь, далеко ползут во все стороны длинные, кривые улочки пригородов и фабричных слободок... Тускл и удушлив воздух от смрадного дыхания города-зверя; целый день висит над фабричным городом тяжелая черно-сизая пелена дыма и копоти. А когда придет вечер и бросит на землю темное покрывало ранних зимних сумерек, тысячами огненных глаз засверкает тогда в потемках фабричный город и как сказочный дракон начнет дышать в почерневшее небо кровавым заревом огромного пожара. Алчно ощерившись в потемках ярко освещенными окнами фабричных корпусов, еще громче завоет чудовище-город в вечерней тишине...

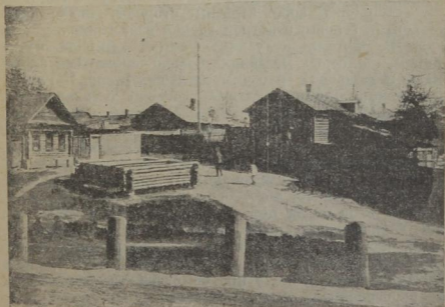
Два-три раза в день, рано-рано утром и в послеобеденную пору, тысячи людей глотает этот город, а потом выплевывает их — усталых, покрытых потом, точно изжеванных и помятых в какой-то беззубой пасти...

На крепкой золотой цепи сидит чудовище-город у господина Капитала. Страшен, безжалостен этот владыка. Долгие дни, месяцы и годы заставляет он неустанно работать город: давит и перемалывает в каменной пасти тысячеголовую человеческую массу, чтоб, превратив ее теплую кровь и мозг в миллионы аршин яркого, линю-

чего ситца, выменять потом на них много-много золотых, блестящих кружочков...

Жалок и неоприятен фабричный город днем вблизи. Невыразимо грязны и кривы его длинные улицы; угрюмы и скучны серо-красные корпуса „мануфактур“, — словно тюрьмы стоят они, окруженные высокими заборами, с наглухо закрытыми воротами. Бедны, жалки жилища рабочих, что целым морем расплеснулись далеко вокруг, подобострастно взирая подслеповатыми

Старое Иваново.

На снимке одна из улиц, типичных для старого Иваново-Вознесенска (в районе Ямы). Такой „большой“ деревней был до революции весь город; из больших зданий в нем были лишь фабрики да роскошные фабрикантские дома.

окошками на фабричные корпуса и дворцы фабрикантов, подобно утесам поднявшиеся из этого грязно-серого однообразного моря.

Нудным трудом, кабалой и человеческой бесправностью насыщен воздух кривых, узких

улиц фабричного города. Около наглухо закрытых ворот „мануфактур“ вечно толпятся какие-то плохо одетые, изнуренные, с забитым видом, люди; жадно и подолгу рассматривают они вывешенные у фабричных ворот „расценки“ и с затаенной надеждой во взоре чего-то подолгу ждут...

Иногда приотворится узкая дверка в фабричных воротах и кто-то сурово и холодно скажет ожидающим:

— Не ждите: сегодня найма не будет...

И, услышав это, тихо разбредутся люди от фабричных ворот в разные стороны, низко опустив головы, с острой тоской во взгляде...

На кривых и узких улицах „города-чудовища“, в серых домиках с подслеповатыми окошками ивановским рабочим жилось тяжело. В 1789 г. крестьянин Лапин заключал договор с владельцем „полотной“ фабрики Ефимом Грачевым, буквально продавая ему своего сына на десять лет. Через сто лет, когда из крепостного села Иваново стало огромным фабричным городом Иваново-Вознесенском, — таких договоров уже не заключали. В документах уже не говорилось насчет того, что „если сын будет ослушен, то отца будут пороть розгами“. Но и через сто лет, и позднее рабочих, переставших быть крепостными, все-таки при случае били, — не розгами, а нагайками со свинцовыми наконечниками; а когда они пытались протестовать против своей тяжелой жизни их расстреливали.

Вот как описывает жизнь ивановских рабочих того времени Яков Петрович Гарелин, сын крупного ивановского фабриканта, написавший в прошлом веке книгу об Иваново-Вознесенске.

„Трудно себе представить, каким образом рабочий, употребляя подобную пищу, может выдержать ту работу, какая ему предоставляется. Мясо является на столе рабочего только по большим праздникам; в будни и небольшие праздники он ест, что бог послал: пустые щи, кашу, горох, редьку и тому подобные незатейливые

блюда простонародной кухни. Рабочие на фабриках, где не отпускается приварок (таких значительное большинство), приходящие из окрестных деревень на целую неделю, запасаются хлебом, которым и продовольствуются от воскресенья до воскресенья“.

Пустые щи, каша, горох... Главную же пищу рабочего, в большинстве случаев, составлял чай с хлебом и сахаром: питаться лучше не на что было. Заработки были такие: простой рабочий на ситцевой фабрике зарабатывал (и 1900 году) от 8 до 15 рублей в месяц. Ткачи и ткачихи выработывали от 12 до 18 рублей, и только изредка, как исключение, заработок повышался до 25 рублей. За сорок два года (с 1858 г.) заработная плата выросла на 15%, а ржаная мука, например, подорожала на 80%, т.е. если зарабатывать ткачиха стала на полтора рубля в месяц больше, то для своего пропитания ей в виду дороговизны приходилось тратить уже на восемь рублей больше. Откуда хочешь, оттуда и бери!

В то же время работать на фабрике приходилось девять, и десять, и даже двенадцать часов в день.

В одном журнале за 1900 год так рассказывалось про жизнь ивановских рабочих: „Я — пишет корреспондент — всегда недоумевал, откуда берутся силы для 9—12-часовой работы у этих людей при таком питании“. Он спрашивал у рабочих:

— Как вы можете обходиться без горячей пищи? Ведь вы же к ней дома (в деревне) привыкли?...

На такой вопрос рабочие отвечали:

— Да на фабрике и есть-то не хочется.

Фабрика

— На фабрике есть не хочется...

Это покажется странным: работать целый день, так долго — и чтобы не проголодаться! Да, — до революции на ивановских фабриках были такие нездоровые, вредные условия работы, что они, действительно, и аппетит отбивали.

Писатель Волков, который сам работал в девятидесятых годах прошлого века в Иванове на фабрике братьев Гандуриных, так описывает обстановку тогдашней фабрики:

„Красоварка, где готовились и варились разные составы и краски, помещалась на фабрике в сыром, грязном и тесном полуподвале, где никогда не открывались окна. Там стояло много котлов, где целый день кипели краски, от которых вся комната заполнялась ядовитыми и острыми парами. Паров так много, что на пять шагов уже плохо видно. Склонясь над котлами, рабочие все время мешают кипящие смеси деревянными веслами; от удушливых испарений приходится непрерывно чихать, кашлять, протирать глаза. Если лист белой бумаги подержать в этом воздухе часа два он желтеет или синееет, и долго потом пахнет едко и противно... Даже дерево на дверях и окнах разъедено ядовитыми парами кислот и красок, — а что же говорить о людях!“

„Рабочие гандуриновской красоварки“ — вспоминает Волков — „имели удручающий вид: все они как на подбор были чрезвычайно истощены, со впалой грудью и землисто-зеленым цветом лица; кожа рук, ног и лица у этих рабочих была изъедена кислотами и обильно покрыта струпами и кровоточащими ранами, — следами брызг ядовитых кислот и красок; при том же у многих рабочих глаза слезоточили и гноились, а зубы во рту еле держались“... Об охране рабочего труда хозяева не заботились, о том, чтобы устроить вентиляцию для очистки воздуха, и не думали: „ведь там же дверь прямо на улицу“, — говорили они — „когда воздух слишком уж испортится — можно открыть дверь!“..

Невыносимые условия труда, от которых люди болели и раньше времени умирали, существовали не только на фабрике Гандуриных.

На фабрике Дербенева в „зрельном“ отделении рабочие принуждены были, работая, держать во рту

луковицу или же то и дело прихлебывать молоко из кувшина: только это и спасало от ядовитых испарений красок!. В отделении „сушильных барабанов“ (где сушится товар) стояла такая жара, что люди просто высыхали, делались похожими на египетские мумии¹ и преждевременно умирали от скоротечной чахотки.

Пятнадцатилетнего мальчика Таланова, который потом стал революционером, приняли в 1893 году работать на ситцепечатную фабрику Новикова в сушилку при печатных машинах. Никакой вентиляции тут не было; жара доходила до 50 градусов, духота—невыносимая... У мальчика, попавшего впервые в такую обстановку, брызнула из носу кровь прямо на товар. И за это хозяева его тут же оштрафовали: товар испортил!..

На других фабриках—прядельных и ткацких—работать было не легче. Из ткацких станков, которые ничем не ограждались, часто вылетали челноки, попадали рабочим в голову, в лицо, ранили, а то и глаз выбивали. В фабричных корпусах целый день стояла пыль, никаких приспособлений для ее вытяжки не было; пыль садилась на спины, на лица, забивалась в горло. После смены люди уходили, кашляя, с серыми от пыли лицами.

За рабочими, за их настроением следили хозяйские шпионы и жандармы. Всех, кто даже просто громко высказывал свое недовольство, жандармы „брали на заметку“, а то и в тюрьму сажали. Но до того тяжело, до того невыносимо было положение ивановских рабочих, что и жандармы не могли назвать его хорошим. В 1898 году один из видных жандармских начальников, Пантелеев, служивший в Петербурге, объехал тогдашние губернии: Владимирскую, Костромскую и Ярославскую (Иваново-Вознесенск был во Владимирской губернии). В секретном докладе, составленном после поездки, Пантелеев—этот царский опричник—вынужден был сообщить своему начальству, что на фабрике Дербенева (в Иванове) ему прежде всего бросился в глаза измученный и болезнен-

¹ Мумия—высушенный труп, иногда набальзамированный.

ный вид рабочих, — в особенности женщин. Многие рабочие, жившие в окрестностях, ежедневно делали на фабрику и обратно концы от 3 до 6 верст. Другие снимали грязные квартиры-углы вблизи фабрики; жили в этих квартирах сразу двумя сменами: одни работают, другие дома. А в праздники, когда и те, и другие были дома, в квартире становилось до того тесно, что люди уходили бродить по улицам...

На самой фабрике, в корпусах — жара, доходящая до 35 градусов и выше; нет вентиляции; непрерывно шумят и гудят машины; от множества машин, станков и людей в корпусе тесно, негде повернуться... Даже жандармскому начальнику пришлось в своем докладе написать, что все это „должно разрушительно действовать на организм рабочего“, что за такую тяжелую работу он получает скудный заработок, а цены на продукты и необходимые товары все время растут. Царские агенты и те подчас понимали, что тяжелая жизнь толкает рабочих на путь борьбы с фабрикантами и правительством. Но ивановские фабриканты мало внимания обращали на всякие указания, что рабочим плохо живется. Они были заинтересованы в том, чтобы рабочий работал больше и зарабатывал меньше. Фабриканты стремились получать от своих фабрик как можно больше прибыли, а до здоровья рабочих им дела не было.

Как они жили

Вечереет. Синие сумерки кутают город. Шумят-громыхают фабричные корпуса; освещенные окна фабрик в потемках кажутся красными, словно глаза сказочного чудовища. В Иваново-Вознесенске нет ни одной водопроводной колонки; нет фабрики-кухни „Нарпит“, центральных бань, туберкулезного диспансера, вузов, техникумов и т. д. Нет ни одного сада для рабочих, нет читален, клубов... В роскошных особняках жиреют и богатеют хозяева города — фабриканты. Дома фабрикантов большие; у Маракушева ¹ комнаты вызолочен-

¹ Маракушеву принадлежала фабрика НИВМ; теперь в его доме помещается областной исполнительный комитет.

ные; гордо красуется белый дом Зубкова на Дмитровской улице.¹ А у фабриканта Полушина² в доме—роскошная мебель, поражающая весь город, при доме оранжерея, где выращивается до 200 сортов роз, и даже редкие черные розы. В доме Маракушева устроен богатый аквариум, где плавают множество редких, дорогих рыб.

У Гандуривых—целых три дома.³ Есть у них дома и на других улицах. У Гандуриных фабрика близ Соковского моста;⁴ Гандурины—фабриканты и купцы.

Вокруг фабрикантских дворцов раскинулись по кривым улицам кривые избенки, бревенчатые и досчатые, в два, три—много в четыре—окна. Немало и таких домишек, что подперты с боков, для прочности, кольями и столбиками; у многих и трубы-то на крышах не кирпичные, а железные, тонкие.

Зарботки ивановских рабочих были очень низкими. К 1902 году средний заработок текстильщика составлял 144 рубля в год (а к 1913 году—189 руб.). Если вычесть пасхальные и другие прогулы, получалось не больше 135 рублей. Питались рабочие очень плохо, немудрено поэтому, что на свое скудное питание и на квартиру, на одежду, на табак—на все это рабочий ухитрялся тратить в год только 85—90 руб. Арифметика тут нехитрая: простое вычитание, и останется только пятьдесят рублей в год на содержание семьи, на всякие другие расходы... А заболешь—увольят с фабрики, у безработного не будет и этих жалких грошей.

Рабочее жилище в дореволюционном Иванове было очень скверным. Тусклый свет жестяной лампочки-

¹ В доме Зубкова теперь рабочий факультет (рабфак).

² В доме Полушина теперь находится областной отдел профсоюза текстильщиков.

³ В домах, принадлежащих фабрикантам Гандуринным, сейчас—областной финотдел, редакция газеты „Рабочий край“ и областной комитет партии.

⁴ После Октябрьской революции эта фабрика переименована в честь международного дня женщин-работниц в фабрику им. Восьмого марта. Фабрика входит в состав Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры.

коптилки освещает хромые столики и табуретки, щербатую посуду, дешевые часы—„ходики“ на стене, всякий хлам, тряпье. В двух комнатах с нависшим потолком, в духоте, в сырости, в грязи живут двенадцать (а то и больше) человек,—мужчин, женщин и детей. В квартире и днем полумрак, потому что за окнами—заборы, курятники, сарай. У живущих тут люди бледные, зеленые лица, кривые плечи, узкие груди: после изнуряющей работы им и дома отдохнуть негде. В такие квартиры хозяева пускают квартирантов „сколько влезет“. С каждого берут рубль в месяц. За это он получает хозяйскую капусту для щей, соль; хозяйка готовит обед; в свободное от работы время жилец может находиться в комнате, а ночью—спать на полу. С вечера всю мебель (столы, стулья, скамейки) либо выносят вовсе из комнаты, либо сдвигают в угол. На полу расстилаются одеяла, половики, одежда, и ложатся спать вповалку, кто где лег. О воздухе в комнате лучше и не говорить: тут и копоть от ночника, и накурено махоркой, и испарения от развешанной для просушки одежды... А для тех, кто не желает спать вместе со всеми на полу, в квартирах бывают кровати, на которых можно спать за два с половиной—три рубля в месяц. В некоторых квартирах отгораживают дощатой перегородкой или ситцевой занавеской часть комнаты с окном и получается вроде отдельной комнатки; за нее берут 4—5 рублей в месяц.

Такая плата была уже далеко не всем под силу. Многие рабочие, особенно пришедшие в город из других мест, старались вообще получить совсем бесплатную квартиру в так называемых „спальнях“. При некоторых фабриках такие „спальни“ существовали, и не потому, что фабриканты хотели помочь рабочему бесплатным жильем,—нет. Этими „спальнями“ они крепче прижимали рабочего, заставляли его быть покорней—из страха: а вдруг бесплатной квартиры лишись?..

Что представляли из себя „спальни“?.. Это был заброшенный, уже ненужный, старый фабричный корпус. В нем были узкие, длинные комнаты с низкими

потолками, во всю длину комнаты тянулись, вдоль двух стен, сплошные дощатые нары—вот и вся мебель. На таких нарах рабочие спали, подстилая носильное платье и им же накрываясь. Грязи и насекомых в „спальнях“ было полным-полно, потому что ни нары, ни полы обычно вовсе не мылись. Вентиляции, и даже просто форточек в окнах, тоже не было: легко себе представить, каким тяжелым и вредным воздухом дышали сотни людей, спавших в этих „спальнях“!..

Питались рабочие (если то, что они ели, можно назвать питанием!) не всегда дома. Многие из одиноких рабочих ходили обедать в фабричные кухни, которые, как и „спальни“, устраивались в самых заброшенных, тесных и грязных помещениях.

В газете „Северный край“ за 1903 и 1905 годы было напечатано несколько корреспонденций об этих фабричных кухнях. Из них мы узнаем, что в этих кухнях готовила обед артельная кухарка; кормили тут и в обед и в ужин серыми постными щами да кашей, гречневой или пшенной; два раза в день был чай с черным хлебом. Некоторые фабриканты, желая прослыть „добрыми“, отпускали в кухню бесплатно квас, серую капусту для щей и соль. А на четырех фабриках несколько раз в неделю (в так называемые „скромные“ дни) в артельных кухнях готовили щи с мясом, по полфунта (вместе с костями) на человека в день,—и на обед, и на ужин. Но это считалось уже особой роскошью... А само помещение кухни изнутри было покрыто—и стены, и лавки, и столы—грязью и слизью. Грязными были и деревянные чашки, из которых ели вместе по десять и больше человек.

Пища рабочих, питавшихся на отдельных квартирах, была такой же скудной. Можно только добавить, что многие обходились по несколько дней одним чаем и даже не с хлебом, а с вареной картошкой, а не то „мурцовкой“—хлебом, крошенным в воду с луком.

Из деревни в город, на фабрику, приходили крестьянские крепкие парни. Проходил год-два работы, и парней уже трудно было узнать: не румяными, а землисто-серыми становились их щеки, мускулы ослабе-

вали, мутнели глаза... Иному, глядишь, всего 30, а те и 25 лет, а он кажется измотанным стариком...

Таким делал человека непосильный фабричный труд, голодное существование, невыносимо тяжелые условия жизни.

Перед рассветом

Короток был рабочий досуг в дореволюционном Иваново-Вознесенске. Но и эти короткие часы досуга заполнить было нечем. Книга в рабочей квартире была очень редкой гостьей, потому что негде было рабочему достать книгу. И фабриканты и власти всячески следили за тем, чтобы рабочие не прочитали чего-нибудь „вредного“, т.-е. такого что могло бы направить мысли в нежелательную для хозяев сторону. Из книг продавались только дешевые дрянные издания, вроде нелепых сказок про „Бову-королевича“ или „разбойника Чуркина“. О библиотеках, о читальнях долгое время и думать было нечего. Людям, которые пытались устроить для рабочих „народные читальни“, начальство обычно отказывало в разрешении. Лишь позднее появились фабричные читальни, но такие, где были только удобные фабрикантам, безопасные для них, книжки, вроде каких-нибудь „путешествий по святым местам“.

Газет в городе долгое время не было, кроме „Ивановского Листка“, который, собственно, и газетой-то считать не стоит. „Листок“ этот занимался больше всего тем, что натравливал русских на евреев, да призывал свято повиноваться царю и фабрикантам. А самое главное—и грамотных среди рабочих было мало, так что и читать-то было некому.

До 1904 года в Иванове театра для рабочих вовсе не было. Существовал в городе маленький „театрик“ в так называемом „клубе господ приказчиков“. Рабочим, понятно, было не до него.

Кстати, о приказчиках. На вывеске клуба они громко именовались „господами“, но на самом деле были такими же рабами. Работая у хозяина-торговца по 16 часов в сутки, они получали жалкие гроши.

Многие из них до самой женитьбы считались у хозяина „мальчиками“, „учениками“, и за свою работу получали только жилье где-нибудь в углу хозяйского дома, кое-какую одежду, да обед из протухшего мяса. Ивановские крупные торговцы были не менее жадны, чем ивановские фабриканты. Богатый купец Самохвалов своим работникам не давал денег на баню. А когда шел в баню сам, то брал с собой одного-двух работников и говорил им, чтобы они в бане зря мыло не тратили, а собирали бы мыльную пену с хозяина и ею намыливались...

Никаких культурных развлечений для рабочего не было. Два пути было из дому: один—на фабрику, к тяжелой работе... Другой путь,—в дни, когда рабочий получал свой грошовый заработок,—в кабак. Кабаков, как назывались тогда места продажи водки, было очень много. Чуть не на каждой улице завлекали рабочего сперва частные кабатчики, а потом „казенные винные лавки“. Часто, очень часто плакали жены и дети рабочих, встречая пьяного мужа и отца, пропившего—с горя, с беспросветной тяжелой жизни—все до копейки, а то и одежду оставившего в кабаке.

Но был еще и третий путь для рабочего—самый верный. Этим путем сначала шли очень немногие, отдельные люди; потом десятки, сотни, затем тысячи... Этот путь—путь организованной борьбы рабочих за улучшение своей жизни, за повышение заработка, за облегчение невыносимых условий фабричной работы. И, наконец, за политическую власть. Постепенно среди рабочих все больше и больше начинали распространяться уж не сказки про королевичей и разбойников, не описания жизни „святых“, а правдивые листки и книжки, в которых говорилось: „одна дорога для рабочего—дорога дружной борьбы со своими угнетателями! Только эта дорога выведет к светлой жизни!“ Разумеется, такая литература была запрещенной, чтение ее строго преследовалось,—ее протаскивали на фабрики тайком, за голенищем. Один прочитает, другому передаст... Начинают говорить: „А ведь верно тут про нашу тяжелую жизнь написано!.. Верно, объ-

единяться нам, братцы, давно уже нужно!" К таким мыслям, понятно, рабочие приходили не сразу, не все, а постепенно.

По этому пути иваново-вознесенские рабочие и работницы и пришли, наконец, к Октябрьской революции 1917 года. Она передала фабрики из рук фабрикантов в руки тех, кто на этих фабриках работал. Но путь к Октябрю был многолетним и тяжелым, он потребовал от ивановцев, как и от всех русских рабочих, многочисленных кровавых жертв.

К первой революции

Первые проблески стачечного движения, первые шаги рабочих к организованной борьбе с фабрикантами замечаются здесь рано, еще в семидесятых годах прошлого столетия. Летом 1879 года, в начале июня, рабочие фабрики Зубкова стали приходить один за другим в контору и просить прибавки. Седьмого июня одной смене увеличили заработок на 8 копеек к каждому рублю. Другая смена, узнав об этом, потребовала прибавить 10 процентов. Приехал на фабрику сам хозяин, Зубков. Он хотел как-нибудь уговорить рабочих, но был в нетрезвом виде и сгоряча сам выдал свои планы: „за сделанную прибавку“—проговорился он—„мы на вас зимой наездимся“. Это возмутило рабочих. Они потребовали прибавки уже не до 1 октября, а до пасхи, и бросили работу.

Хозяин послал за полицией. Прибыл даже начальник жандармского управления. Два дня шли переговоры,—наконец, начальник жандармского управления убедил хозяина, что ему выгоднее будет прибавить рабочим 12 процентов. Рабочие пытались было настаивать, чтобы договор найма был продлен до будущей пасхи.¹ Но здесь начальство предложило уволить рабочих, и они стали опять на работу.

¹ Тогда рабочих два раза в год—на пасху и на „покров“, то-есть, в октябре—как бы увольняли и затем снова нанимали; при этом, случалось, часто сбавляли плату.

Сначала восьмидесятых годов участились увольнения рабочих с фабрик, снижение им заработка, усилились штрафы. Капиталисты стали еще крепче нажимать на рабочих. В ответ на насилие рабочие стали все больше прибегать к стачкам. В 1882 году бастовали рабочие на фабрике Дербенева, протестуя против понижения заработка и увеличения штрафов; через два года бастовали на фабрике братьев Гарелиных.

Крупная забастовка произошла в Иванове в 1885 году. Ткачам угрожало понижение заработной платы. 24 октября они бросили работу сперва на фабрике Ивана Гарелина, потом еще на трех фабриках. Всего забастовало 3.000 человек. На другой день бастующих стало уже больше четырех тысяч, и все они требовали прибавки платы на зиму, а хозяева не соглашались. Приехало начальство и войска из Владимира; рабочим обещали, что их требования будут расследованы и, если они законны, будут удовлетворены.¹ После этого рабочие вернулись к станкам.

Другая еще более крупная стачка была в Иванове в апреле 1889 года. Тогда на фабриках Дербенева, Кокушкина и Маракушева, наследников Зубковых и Товарищества Ив.-Вознесенской мануфактуры решили: с пасхи работать не в две, а в одну смену. Это означало, что увольняется 1.722 человека, а остающимся рабочий день увеличивается до 13 часов с некоторым повышением заработка. Уволенные дербенеvские рабочие и присоединившиеся к ним с остальных, перечисленных здесь, фабрик вышли на улицу с требованием принять их на работу. Стали появляться слухи, будто рабочие хотят бить стекла на фабрике. Напуганные фабриканты обратились к полиции и губернатору. Двадцатого апреля из Владимира приехали казаки. Рабочим предложили разойтись по домам, а когда они отказались,—казаки прогнали их силой на Ямы, где находились квартиры большинства рабочих.

В конце апреля фабрики были пущены, но очень многие рабочие так и не получили работы. Некото-

² Были ли эти требования удовлетворены, или обещания так и остались обещаниями,—на этот счет у нас сведений нет.

рые остались в деревнях на полевые работы, иные поехали искать работы на других фабриках... Казаки оставались в городе все лето.

Это рабочее движение еще не носило организованного характера. В некоторых случаях рабочие обращались за помощью к полиции, прося ее повлиять на фабрикантов (полиция, конечно, защищала не рабочие интересы, а фабрикантские). В других случаях бастовавшие били стекла... Но постепенно научались рабочие, что просить помощи не у кого (тем более у полиции), что бить стекла не к чему. Нужно действовать более дружно и сплоченно. Все яснее начинали рабочие понимать, что их враги—не только фабриканты, но и все царское правительство, защищающее богатых. Если угнетатели рабочих действуют совместно, то и рабочим надо выступать крепкой, железной стеной и бороться со своими угнетателями не по отдельным фабрикам, а вместе.

В Иваново-Вознесенске начинают появляться первые революционные социалистические кружки. Определенного названия и программы у таких кружков еще не было. Вначале они вели чисто просветительную работу. Большинство в кружках составляли местные интеллигенты,—рабочих было немного. Занимались самообразованием; собирались в маленьких комнатах, при закрытых дверях, а летом—в Витовском бору, который рос на месте теперешней фабрики „Красная Талка“; читали книжки, разговаривали, спорили насчет религии. Многих участников первого кружка в 1891 году арестовали и кружок распался.

Через год студент Кондратьев, высланный полицией из Петербурга, основал новый кружок „для саморазвития“. В этот кружок постепенно вошло уже больше рабочих. В кружке рабочие развивали свою мысль, свое классовое сознание, знакомились с политической экономией, с учением Карла Маркса о капитале и пролетариате. В 1895 году из этого кружка вырос уже „Иваново-Вознесенский рабочий союз“. В этом же году в Иваново была отпразднована первая маевка. За рекой Талкой собрались 22 чело-

века—члены кружка, а также не состоявшие в нем рабочие. Было тут сказано несколько речей. В них говорилось, что у русских рабочих одна цель с западно-европейскими рабочими: „освобождение труда от капитала рукой организованного пролетариата“. Потом заговорили о библиотеке, о деньгах—и решили создать Рабочий союз с членскими взносами—2 процента—в союзную кассу и на библиотеку. Так родился союз. К осени у него была конспиративная (тайная) квартира в доме Кукина на Ново-Задней улице. Тут впервые стали обсуждать вопрос об участии в забастовке, вопрос о смычке с широким рабочим движением.

Движение разрастается и крепнет. Осенью 1895 года началось сильное забастовочное движение на фабрике Товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры. Началось из-за того, что фабриканты без всякого предупреждения сбавили рабочим расценки, хотя по условиям и полагалось предупреждать. Забастовало 2000 человек ткачей. Телеграфный приказ губернатора: „стать на работу“—не подействовал. Восьмого октября приехали войска и казаки, начали разгонять собиравшихся вместе рабочих нагайками. Одну женщину избили так, что она вскоре умерла.

Этой забастовкой рабочие добились очень немногого. Но в конце 1897 года вспыхнула другая, в ней участвовало больше 14.000 человек. Начавшись 22 декабря, забастовка кончилась лишь 13 января 1898 года. На этот раз также присылали солдат и казаков в Иваново, но победителями из забастовки вышли рабочие. Количество праздников в году, которые фабриканты хотели уменьшить на 22 дня, осталось прежнее. Рабочий день был сокращен.

„Иваново-Вознесенский рабочий союз“ за эти два года был несколько раз разгромлен полицией. Членов союза сажали в тюрьму, выпускали, опять сажали... Но союз крепнет, в него вступают новые члены, создается особая „стачечная касса“ для помощи бастующим товарищам. В начале 1898 года союз устанавливает связь с Москвой. В августе, этого же года, когда снова арестовали около 30 человек членов союза, их обви-

нили уже в принадлежности к Российской социал-демократической рабочей партии.

В марте 1898 года в городе Минске состоялся первый съезд Российской социал-демократической рабочей партии,—сокращенно: РСДРП. Съезд объединил все, существовавшие до тех пор разрозненно, кружки и группы в одну партию.

В июле этого года на пригорке в Афанасовском овраге, по дороге из Кохмы в Иваново-Вознесенск, на небольшом собрании был прочитан первый, полученный в Иваново, „Манифест партии“. Вскоре после этого „Иваново-Вознесенский рабочий союз“ был преобразован в Иваново-Вознесенский комитет РСДРП; таким он оставался до осени 1902 года, когда был переименован в Иваново-Вознесенскую группу Северного рабочего союза. Этот союз стал уже руководить рабочим движением в трех губерниях: Владимирской, куда входил и Иваново-Вознесенск, Костромской и Ярославской. Таким образом, уже тогда в революционной работе объединилась территория, составляющая теперь Ивановскую Промышленную область.

К этому времени (1902 год) уже на всех крупных фабриках и заводах Иваново-Вознесенска имеются социал-демократические группы. Ивановские рабоче-революционеры крепко связаны и с Петербургской, и с другими организациями партии. Часто происходят „провалы“, ¹ но работа, несмотря на это, не прерывается. Ивановская партийная организация крепнет, она держится всецело на рабочих, стойких и преданных революционерах.

Так рабочий город Иваново-Вознесенск подходит к 1905 году—году первой русской революции.

Шестьдесят пять дней

Война с Японией, которую затеяло царское правительство в январе 1904 года, сильно ухудшила и

¹ „Провалы“—так называли подпольщики-революционеры случаи, когда полиция обнаруживала ту или иную организацию и производила аресты ее членов.

без того тяжелое положение ивановских рабочих. Безработица стала еще больше увеличиваться. Некоторые фабриканты массами увольняли рабочих, а оставшихся заставляли работать сверхурочно и всячески притесняли. Без конца штрафовали без всяких причин. Фабрикант Фокин¹ поступал, например, таким образом: приходит на фабрику жена рабочего, получившего увечье, за пособием. Надо ей выдать, скажем, три рубля. Сейчас человек тридцать оштрафуют за что-нибудь (найдут, за что,) по гривеннику,— вот и три рубля. На других фабриках (например, у Зубкова) штрафовали, если работница во время работы поправит прическу, если рабочий свернет папироску, чтобы выйти покурить, и за другие подобные пустяки...

Все грубей и наглей обращались с рабочими, а особенно с работницами, представители фабричной администрации, мастера и сами фабриканты. Производятся унижительные обыски. Низшая администрация вымогает у рабочих деньги, мстит тем, кто ей не правится, делает с негодными все, что вздумается. Врачебная помощь заболевшим поставлена скверно. Если рабочий не может работать потому, что болен или стар,— никто его не обеспечивает.

В войне с Японией Россия терпит поражение, тысячами гибнут люди ни за что. Усиливается волнение и недовольство против правительства; растет недовольство и среди ивановских рабочих. Учащаются забастовки. Фабрика Бакулина за полгода бастует три раза. С бастующими свирепо расправляются казаки и полиция. Несколько больных работниц били и толкали так, что они падали, и нужно было вызывать врача. На других фабриках и заводах тоже протестовали против нечеловеческого обращения, против низкой оплаты труда. Все больше и больше рабочих связывается с социал-демократической партией, ее влияние усиливается. В Иванове—ряд видных партийных деятелей; так, с 1903 года тут работает това-

¹ Его фабрика—теперешняя Подгорная мануфактура—находилась под Покровской горой.

риц Бубнов (подпольная кличка—„Химик“) теперешний народный комиссар просвещения. В мае 1905 года московским комитетом партии командирован для работы в иваново-вознесенской организации тов. Фрунзе (Арсений). Все чаще устраиваются массовые собрания членов партии и сочувствующих партии рабочих. В одной из листовок, выпущенных социал-демократической группой, говорилось:

„Будем же добиваться права открытой борьбы за лучшую жизнь. Но не нужно забывать, что одними забастовками не улучшить положения всего рабочего класса. Мы не устанем повторять, что для уничтожения всякой несправедливости и угнетения нужно взять в свои руки управление делами государства“.

С самого начала своего возникновения ивановская социал-демократическая организация была и оставалась сплошь большевистской.

В январе 1905 года на Путиловском заводе в Петербурге возникла стачка. Путиловцы забастовали, требуя возвращения на работу четырех уволенных товарищей. Стачка была дружно поддержана рабочими других заводов и фабрик; к 6 января она была уже всеобщей, бастовало около 200.000 человек.

В то время среди рабочих еще широко была распространена уверенность, что свое тяжелое положение они смогут улучшить мирным путем, обратившись непосредственно к царю со своими нуждами; многие верили, что царь удовлетворит требования рабочих. И на 9 января (старого стиля) назначено было массовое шествие к Зимнему дворцу для вручения царю петиции (прошения).

Шествие было мирным; безоружные рабочие даже несли иконы, и во главе их шел священник Гапон. Согласно уговора, шли тихо, без песен, без речей, без знамен. Но, как и следовало ожидать, эта мирная демонстрация была встречена ружейным огнем. По неполным данным 1216 человек убитых и около 5.000 раненых остались на площади перед царским дворцом.

Это произошло 9 января (по новому стилю 22-го) в воскресенье. И этот день с тех пор получил название „кровавого воскресенья“.

Оценивая тогдашние события, тов. Ленин писал: „...теперь вряд ли возможны сомнения в том, что правительство умышленно давало сравнительно беспрепятственно развиться широкому стачечному движению и начаться широкой демонстрацией, желая довести дело до применения военной силы. И оно довело до этого. Тысячи убитых и раненых—таковы итоги кровавого воскресенья 22 (9) января в Петербурге. Войско победило безоружных рабочих, женщин и детей. Войско одолело неприятеля, расстреливая лежавших на земле рабочих“.

События „кровавого воскресенья“ и положили начало русской революции 1905 года. Они вызвали быстрое и массовое рабочее движение. За один январь число бастующих рабочих достигло 440 тысяч,—больше, чем за все предшествующее десятилетие.

Пули, выпущенные в безоружных по царскому приказу, окончательно убили веру в царя в широких рабочих массах. Они поняли, что нужно не просить, а требовать, и что только борьбой можно добиться освобождения. Началось движение и в глубине крестьянских масс; вспыхнули восстания даже в некоторых частях армии.

Ленин такими словами говорил тогда о значении событий 9 января: „Русское рабочее движение за несколько дней поднялось на высшую ступень. На наших глазах оно вырастает в общенародное восстание“.

В Иванове также усилилось рабочее революционное движение. Усилились и расправы с рабочими. На фабрике Полушина казаки бросились на рабочих с нагайками, пашками, винтовками; несколько десятков человек было ранено и убито.

Комитет партии готовит план широкого, открытого политического выступления рабочих. 12 мая 1905 года начинается знаменитая „майская стачка“ ивановских рабочих. Знаменита она тем, что в ней участвовало около 40.000 рабочих; стачка продолжалась шестьдесят

пять дней; во время этой стачки ивановские рабочие выбрали первый в России (и первый в мире!) Совет рабочих депутатов.

В Сталинском (Посадском) районе, недалеко от Дворца труда, есть широкая улица, ведущая в район города, называемый по старой памяти „Ямы“. Улица эта в настоящее время называется именем Дунаева. Кто был Дунаев?

Ивановский рабочий Евлампий Дунаев, один из организаторов и вдохновителей майской стачки (дожил до Октябрьской революции и умер в 1919 году в Нижнем-Новгороде от тифа), первым выступил 13 мая 1905 года, на второй день забастовки, на площади—перед теперешним горсоветом, где тогда наверху помещалась городская управа, а в первом этаже—лавки купцов. Первый день забастовки прошел так.—Она началась в 10 часов утра, и первыми бросили работу рабочие фабрики Бакулина. К ним присоединились все крупные фабрики. Пошли на площадь к городской управе; здесь, после кратких речей, решили разойтись по домам, чтобы на-завтра собраться здесь же утром.

А на второй день, 13 мая, на площадь явилась уже громадная толпа рабочих: забастовали все фабрики города. Около 11 часов дня наступила тишина, над площадью поднялся на плечах товарищей худощавый, бледный рабочий лет 28-ми. Это был Евлампий Дунаев; он сказал небольшую, но горячую речь, выслушанную с величайшим вниманием. Дунаев говорил, что напрасно перепугавшиеся торговцы закрыли свои магазины, что сюда пришли не грабители, а честные труженики, никогда не жившие чужим трудом. „Будем держать себя спокойно, никого не трогать“,—говорил Дунаев:—„будем стойко бороться за осуществление тех требований, которые мы предъявили фабрикантам и заводчикам, бороться до тех пор, пока наши требования не будут выполнены“. До вечера продолжалось собрание. На площади были и казаки, и полицейские, но вели себя спокойно. Тут же на площади произвели денежный сбор в пользу бастующих; собрали несколько сот рублей.

Рабочие требовали: прекратить наем в два срока — весной и осенью (фабриканты при таком способе, как мы уже говорили, снижали на зиму расценки; зимой легче было найти рабочих, и этим пользовались фабриканты); увеличить заработную плату, ввести вместо 11-часового рабочего дня 8-часовой и т. д. Кроме этих требований забастовавшие выставили и политические требования: чтобы созвано было учредительное собрание, которое и определило бы, какому быть в России правительству; чтобы свободно можно было собираться, говорить и создавать рабочие союзы; чтобы в дела бастующих рабочих не вмешивались войска.

Первые дни собрания бастующих продолжались на площади, а потом, когда запретили, стали собираться за городом, у опушки леса на реке Талке. Было избрано 150 человек депутатов (уполномоченных) от рабочих, которые должны были вести переговоры с хозяевами, с властями и руководить стачкой. Это и был первый Совет рабочих депутатов; его председателем выбрали гравера с фабрики Зубкова—Авенира Евстигнеевича Ноздрина.

Весь май собирались десятки тысяч рабочих на Талке. Тут бастующие обсуждали ход стачки и свои нужды; тут выступали партийные ораторы с речами, в которых объясняли, почему рабочий класс в России терпит такую нужду и в чем надо искать выход. Пользу такие собрания дали огромную; не даром собрания на Талке называли „университетом политико-экономических наук“. Тут многие рабочие, думавшие раньше, что царя и фабрикантов можно умиловить просьбами, поняли, что нужны не просьбы, а революционная борьба и свержение царской самодержавной власти.

Третьего июня губернатор запретил рабочим собираться на Талке. Власти открыто приняли сторону фабрикантов и решили отнять у рабочих возможность действовать совместно. В тот же день за тайном собрании депутатов совета и партийных работников было решено все-таки собираться. Часов около одиннадцати собралось около трех тысяч человек и ждали начала

собрания. Появился большой отряд казаков во главе с полицеймейстером. Казаки бросились на рабочих, зверски избивали нагайками, прикладами, шашками; погна́ли к лесу и продолжали преследовать. Стреляли из винтовок. Было очень много раненых.

После этого две недели собрания устраивались тайно, в лесах. Потом они были снова разрешены на Талке, и в первый же день собралось около 40.000 человек. Стачка продолжалась. Бастующие рабочие, несмотря на некоторую помощь путем сборов, голодали. Фабриканты упорствовали, но потом начали делать кое-какие уступки. К июлю они согласились сократить на один час рабочий день (вместо 11 часов—10) прибавить 15 процентов к жалованью, несколько улучшить санитарные условия (устройство бань и прачечных там, где их не было) и сделать еще некоторые мелкие уступки.

Семнадцатого июля стачка окончилась.

Не очень большую экономическую помощь дала стачка, но она научила рабочих очень многому. Рабочие поняли, что при царской власти они не смогут успешно бороться с капиталистами, потому что власть защищает фабрикантов. Забастовка показала, что добиваться политической свободы нужно с оружием в руках. Наконец, во время забастовки был избран первый совет, а через двенадцать лет, в 1917 году, вся власть в стране першла в руки советов.

Жертвы

Через три месяца после окончания майской стачки—в октябре 1905 года—царское правительство выпустило манифест, в котором обещало рабочим свободу говорить, собираться, создавать союзы, высказывать свое мнение в газетах и много других „свобод“. Но свободы эти так и остались лицемерными обещаниями. Очень скоро после этого манифеста начались по всей стране аресты, разгром рабочих организаций, зверская расправа и казни революционеров. Много борцов за свободу погибло и в Иваново. Через 12 лет, когда революция победила, именами погибших названы многие улицы, фабрики и другие здания.

Утро 22 октября 1905 года. У городской управы митинг, созданный партийным комитетом. Говорят речи, вспоминают недавно погибших товарищей, русских рабочих. Решено идти к тюрьме, в местечко Ямы, чтобы потребовать освобождения еще находившихся там арестованных революционеров (часть арестованных была освобождена за несколько дней перед тем). Но там рабочих встретили казаки, решившие защищать тюрьму. Переговоры с казаками ни к чему не привели. Тогда отправились на Талку, чтобы там продолжать митинг, потому что в городе появились казаки и погромщики (черносотенцы); погромщики несли портрет царя, пели и кричали „ура“.

Только что пришли на Талку,—а со стороны станции быстро движется толпа черносотенцев и казаков. Революционеры были на одном берегу реки Талки, казаки остановились на другом, против мостика. Двое товарищей пошли через мостик, чтобы вступить в переговоры с казаками. Один из них был Федор Афанасьев, старый революционер, пришедший в Иваново в девяностых годах из Петербурга. Этот худой старик с длинной бородой, в темных очках (у него болели глаза), был в числе организаторов и руководителей майской стачки; его подпольная партийная кличка была „Отец“.

Не успели они очутиться на другом берегу, как несколько десятков черносотенцев накинулись на двух безоружных людей и стали их избивать... А казаки стояли вокруг и покрикивали,—так, мол, их!.. Другому товарищу удалось вырваться; с разбитой головой, в крови, он перебежал по мосту. „Отец“—Афанасьев—лежал на земле. Казаки и убийцы-черносотенцы ушли. Тогда революционеры взяли труп „Отца“ и отнесли в лес. У него чем-то тупым был пробит череп.

Так погиб Федор Афанасьев. Его именем названа школа в Сосневе, а также фабрики бывшей Петрищевской мануфактуры.

Потом в городе начались погромы. Черносотенцы разгромили несколько аптек, еврейских магазинов, а также квартиры революционеров; среди других раз-

громили также квартиру А. Е. Ноздрина (первого председателя Совета рабочих депутатов) и дом, принадлежавший отцу товарища Бубнова. В конце года на станции Иваново была арестована молодая девушка—Генкина, партийная работница, только что выпущен-

Федор Афанасьев.

ная из нижегородской тюрьмы. Она привезла с собой в чемодане револьверы для партии, но ее выследили жандармы, и тут же на станции она была зверски растерзана.

Первая русская революция шла на ущерб. Выступление пролетариата не было своевременно поддержано крестьянством, так как движение в деревне запоздало, отстало от городского, да и само это крестьянское революционное движение не было организовано как следует. Революционное движение в армии тоже не вылилось в организованное восстание. Царское правительство успело принять меры к подавлению брожения в войсках. Отдельные части восставали, но широких выступлений одной части армии против другой (например, против гвардейцев, полиции) не было.

Наконец, не было и единого революционного руководства рабочим классом. Социал-демократическая партия тогда еще не была достаточно сильна. Да и в самой партии не было единства. Советами рабочих депутатов в некоторых городах России (например, в Одессе, в Баку) руководили меньшевики. А они всячески тормозили проведение вооруженного восстания, вообще сдерживая рабочий революционный порыв во всех основных вопросах борьбы с правительством.

Силы революции не были достаточно объединены и организованы. Поэтому-то царская власть смогла одержать победу над революцией 1905 года. Поэтому-то обещания разных „свобод“, которые дало было правительство, напуганное первым подъемом революции, были вскоре же отменены, и „свободы“ эти были взяты назад. Наступили глухие годы. К концу 1909 года ивановская социал-демократическая организация—как организация—распалась. Борьба на время затихла, профессиональные союзы были разогнаны, все рабочее движение ослаблено. Снова на фабриках и заводах издевались над рабочими, без конца штрафовали, увольняли, а революционеры, оставшиеся в живых, томилась в тюрьмах и ссылке. Забастовки и столкновения с полицией были и в эти годы. Партийную работу продолжала вести уцелевшая от царских преследований группа товарищей, которые пытались восстановить партийную организацию в целом. Но эти мо-

пытки кончались арестами. Партийная работа начинает вновь широко развлекаться только в 1912 году. В апреле 1912 года было расстреляно войсками несколько сот безоружных рабочих в Сибири, на Ленских золотых приисках (на реке Лене). Это вызвало гнев и возмущение всех русских рабочих. Революционное движение усилилось. Пятого мая 1912 года в Петербурге вышел первый номер большевистской газеты „Правда“. Окрепла партийная организация и в Иваново-Вознесенске. Ивановские ткачи собирали силы для новых боев с царем и фабрикантами.

Приказный мост

На углу Соковской и улицы 10-го Августа шеститажной махиной выросла новая гостиница, открытая в 1930 году. Сверните от нее несколько влево, пройдите на Красный мост. С левой стороны моста зеленеет сквер, там в ясные дни играют дети и отдыхают на скамейках взрослые. В конце сквера—высокая мачта, обвитая красным и черным, а ближе к мосту—обнесенная решеткой могила. Красный—цвет революции, черный—цвет траура. В могиле зарыто тридцать человек ивановских рабочих, погибших тут 10 августа (по старому стилю) 1915 года. Мост тогда назывался Приказным.¹

В 1914 году началась война России с Германией, разгоревшаяся потом в мировую четырехлетнюю войну, известную под названием империалистической. Война принесла новые огромные прибыли капиталистам, наживавшимся на военных заказах, но положение рабочих ухудшилось еще больше. Цены на хлеб и другие продукты быстро повышались. Перед войной заработок ивановского рабочего составлял от 15 до 23 рублей в месяц; через год он, в среднем, колебался между 18 и 27 рублями, то-есть увеличился на 20 процентов. В то же время, цены на продукты за пер-

¹ После революции мост называется Красным, а выходящая к нему улица (прежде называвшаяся Кокуй)—улицей 10 Августа.

Вый же год войны выросли вдвое,—на 100 процентов. Выходит, что на деле-то заработок рабочего сильно понизился. Возмущенные непосильной дороговизной жизни, рабочие и юле 1915 года объявили трехдневную всеобщую забастовку. Тысячи рабочих собрались на площади, требовали хлеба; из Владимира приехал губернатор. Он предложил рабочим выбрать делегатов для переговоров и дал письменное обещание, что они не будут арестованы.

Через три дня цены на муку были несколько сбавлены торговцами (от 20 до 40 процентов), и фабрики снова пошли полным ходом, но заработная плата осталась прежней, хотя губернатор и обещал „поговорить с фабрикантами о повышении“. После этих событий в партию вступило много новых членов—рабочих. И в ночь на 9 августа полиция пошла по домам и арестовала многих революционеров. Все те, кто руководил июльской трехдневной стачкой, были посажены в тюрьму.

На другой день рабочие бросили работу и собрались на площади, требуя освобождения арестованных товарищей. Полицеймейстер отказывался, но часа через два освободил троих; остальные остались в тюрьме, а с площади рабочих стали разгонять. Они пошли к кладбищу, обсудили там, что делать дальше, и решили, что надо добиться освобождения арестованных. К вечеру вновь собрались на площадь к городской управе. По-прежнему отказывался полицеймейстер освободить арестованных; рабочие и работницы пошли к тюрьме (она помещалась тогда на улице Кокуй). Перед тюрьмой стояли солдаты. Не доходя сажен двадцать до тюрьмы, рабочие остановились. Шедший во главе товарищ Зиновьев (один из руководителей июльской стачки, только что выпущенный из тюрьмы) обратился к солдатам с речью. Раздалось три свистка, и солдаты начали стрелять. Зиновьев упал мертвым, другие, раненые, застонали. Одна работница вышла вперед и закричала:

—Изверги! Убийцы! У нас—дети, мужья на войне, а вы здесь нас расстреливаете, как куропаток! Натe, стреляйте! “—Еще несколько винтовочных залпов,—жен-

щина тоже упала мертвой. Рабочие побежали в разные стороны, но навстречу им бросились въехавшие на мост казаки. Живых стегали плетью; упавших, раненых и убитых топтали лошадьми. Тридцать изуродованных трупов остались на месте и много тяжело раненых. Всю ночь потом смывали полицейские кровь с камней. Воду брали из водовозных бочек—ведь водопровода в Иванове тогда еще не было.

Так погибли зарытые сейчас в братской могиле рабочие.

По дороге к Октябрю.

Меньше двух лет прошло с кровавого вечера на Приказном—теперь Красном—мосту, и царская власть в России рухнула. В Иваново-Вознесенске телеграмма о создании Временного правительства была получена 1-го марта 1917 года, вечером. На другой день первыми вышли на улицу рабочие Куваевской и Маракушевской фабрик; к ним присоединились, с красными флагами, другие, и до вечера шли в городе собрания и митинги: у городской управы и у теперешнего областного музея. Городская дума и войска присоединились к Временному правительству. Третьего марта снова—после 1905 года собрался вновь избранный Совет рабочих депутатов. Вместе с Городской думой создали в Иванове новый орган власти, названный: Иваново-Вознесенский революционный комитет общественной безопасности. Четвертого марта возобновилась работа на всех фабриках и заводах.

От Февраля к Октябрю ивановские рабочие шли уверенным и прочным шагом. Совет рабочих депутатов все больше укреплял свое влияние на городские дела, на фабричную жизнь. Восемь месяцев прошло в России от Февральской революции, мало чем улучшившей положение рабочих, до Октябрьской, когда власть в стране перешла в рабочие руки. За эти восемь месяцев Иваново-Вознесенск непрерывно укреплял власть своего совета, и Октябрьский переворот здесь произошел не с такой борьбой, как в Москве и Петербурге: Иваново-Вознесенский совет фактически взял власть в свои руки еще раньше.

Кроме совета, в марте 1917 года в Иваново возник орган Временного правительства—Революционный комитет общественной безопасности (позднее переименованный в Революционный комитет общественных организаций). В этот комитет наряду с представителями Совета рабочих депутатов вошли представители фабрикантов, буржуазной интеллигенции и служащих. По своей классовой сущности комитет был органом буржуазным, и у ивановских рабочих в первые же дни после февраля стало появляться к нему недоверие. Совет рабочих депутатов признавал власть комитета только формально, а на деле считался с ним мало.

Партия большевиков все время пополнялась новыми членами. В марте городская организация насчитывала 700 человек. В августе—полторы тысячи; в начале октября—две тысячи. За большевиками шел профессиональный союз текстильщиков, за большевиками шли все рабочие. В мае 1917 года был переизбран Иваново-Вознесенский совет рабочих депутатов, и с этого момента он повел свою работу по определенно большевистской линии. А линия была такая: не верить Временному правительству, обманывающему рабочих и поддерживающему фабрикантов; кончать войну; взять всю власть в стране в руки советов! И бороться за эти требования ивановцы были готовы.

Восемнадцатого июня (по старому стилю) в Иваново происходит многочисленная демонстрация под лозунгом: „Вся власть советам!“ В августе и сентябре, при выборах в Городскую думу, большинство голосов получили большевики; большевик Асаткин был выбран председателем думы и большевик Любимов—городским головой.

С этого момента двоевластие в Иваново-Вознесенске закончилось. Комитет общественных организаций продолжал существовать, но с ним, как с властью, уже не считались. Он существовал только благодаря тому, что продолжало существовать еще несвергнутое Временное правительство, а Всероссийский центральный исполнительный комитет советов находился в руках соглашателей. Ивановскому совету приходилось ждать

дальнейшего развития революционных событий в центре, чтобы объявить себя властью уже официально.

В сентябре и октябре Ивановский совет обсуждал вопрос о тяжелом положении с продовольствием. На заседании 13-го октября (старого стиля) вынесли резолюцию, в которой между прочим говорилось:

„Нужно понять, наконец, что время переговоров и разных буржуазных резолюций прошло и наступило время действовать; до тех пор мы не выйдем из этого продовольственного тупика, пока окончательно не свергнем буржуазное временное правительство и не передадим власть в руки сильного народа в лице истинной организации, как Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов“.

Одиннадцатого и двенадцатого октября происходило третье делегатское совещание текстильщиков Иваново-Кинешемского района. Совещание решило: „Довольно! Наши основные требования должны быть удовлетворены!“. Основными требованиями были: прожиточный минимум (то-есть, чтобы заработная плата была не меньше необходимой на существование суммы) и восьмичасовой рабочий день. Фабрикантам эти требования передали, но они на них не ответили в срок.

Тогда началась стачка, прошедшая удивительно дружно, сплоченно. В Иванове был создан Центральный стачечный комитет. По его приказу 21 октября 1917 года в один и тот же час остановились фабрики Иваново-Вознесенска, Кохмы, Шуи, Тейкова, Кинешмы, Середы, Родников, Вичуги и Коврова, — двести предприятий остановились сразу! Триста тысяч человек прекратили работу. Они вышли на улицу, пели революционные песни и несли знамена с надписями: „Да здравствует рабочий контроль!“ — „Долой временное правительство!“ — „Вся власть и фабрики — рабочим!“ Вооруженные рабочие стали у телефонов, на охране фабричного имущества; ключи от контор, от складов, от фабричных корпусов были взяты стачечными комитетами, и без разрешения стачечного комитета никто — даже фабрикант — проникнуть внутрь фабрик не мог.

Уже после Октябрьской революции окончилась стачка и рабочие возобновили работу по приказу Центрального стачечного комитета из Иваново-Вознесенска—дружно и единодушно. Это была последняя стачка. Из того, как она проходила, видно, что, уже тогда Иваново-Вознесенск, все еще считавшийся „безуездным городом“, на деле руководил целым огромным промышленным районом. К его голосу, как к голосу старшего товарища, чутко прислушивались другие рабочие города и поселки. Они знали и ценили опыт ивановских рабочих, их твердость, пройденный ими путь тяжелой и долгой борьбы.

Вся власть советам!

В октябре 1917 года Ивановский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов помещался на Советской улице в доме Полушина. В шесть часов вечера 25 октября (по старому стилю) открылось заседание, на котором, по обыкновению, разбирались множество вопросов, и больших и маленьких; в совет как в орган рабочей власти шли все и по всяким делам.

На этом заседании присутствовал Димитрий Фурманов писатель-революционер и военный политработник.¹

Он сам так описывал потом этот вечер, когда все с величайшим нетерпением ждали известий из Москвы, из Питера о ходе событий:

„Три раза пытался я связаться с Москвою телефоном—не выходило. Наконец, дали редакцию „Известий“ и оттуда сообщили незабываемой силы слова:

—Временное правительство свергнуто!

Чуть помню себя: ворвался в зал, оборвал говоривших (стала мертвая тишина) и, отчеканивая слово бросил в толпу делегатов:

Товарищи, Временное правительство свергнуто!..

Через мгновение зал стоял. Кричали кому что вздумается: кто проклятия, кто привет-

¹ Его главные книги: „Мятеж“, „Чапаев“ и „Красный десант“.

ствия, жали руки, вскакивали на лавки, а иные зачем-то аплодировали, топали ногами, били палками о скамьи и стены, зычно ревели; „Товарищи!.. Товарищи!.. Товарищи!.. Один горячий слесарь ухватил массивный стул и с размаху едва не метнул его в толпу... Уханье, выкрики, зачатки песен—все сгрудилось в густой, бессвязный гул... Кто-то выкрикнул:

— Интернационал!

И из хаоса вдруг родились, окрепли и помчались звуки этого пролетарского гимна... Певали свой гимн мы до этого, певали и после этого многие сотни раз, но не помню другого дня, когда его пели бы, как теперь: с такой раскрывшейся внутренней силой, с таким горячим захлебывающимся порывом, с такою целомудренной, глубокой верой в каждое слово:

Вставай, проклятьем заклеянный,

Весь мир голодных и рабов,—

Кипит наш разум возмущенный

И в смертный бой вести готов.

Мы не только пели,— мы видели перед собою вживе, наяву, как поднялись, идут колышутся рабочие рати на этот смертный последний бой; нам уже слышны грозные, воинственные крики, нам слышится суровая команда, чеканная, короткая, строгая; мы слышим, как лязгает, звенит оружие... Да, это поднялись рабочие рати.

И если гром великий грянет

Над сворой псов и палачей,

Для нас все так же солнце станет

Сиять огнем своих лучей.

Эти вести из Москвы: вот он и грянул великий гром! Рабочие победили. Рабочие взяли власть... Враг разбит, повержена свора псов и палачей...

А солнце сияет, сжигает огнем своих лучей... Да, да! Все, как в песне: наш путеводный гимн, самая дорогая, заветная песня, которую пели в подпольи рабы, за которую гнали, ссылали, рас-

стреливали, вешали, истязали по тюрьмам,—может ли ошибаться эта песня, вспоенная кровью мучеников?.. Пришли наши дни — их мы ждали: здравствуй, новая жизнь!⁴..

Долго еще продолжалось взволнованное заседание. Избрали Революционный штаб: везде по городу были поставлены специальные караулы, охранявшие железнодорожную станцию, телеграф, телефон. На утро весь город уже знал о происшедшем, а 27 октября состоялось торжественное заседание всех ивановских организаций, посвященное переходу всей власти в руки совета. Послали приветственную телеграмму Ленину и другим вождям. Приветствовали петроградских рабочих, как передовых борцов за дело рабочего класса; дали торжественную клятву: „обещаем притти вам на помощь по первому зову нашего правительства“.

На помощь революции ивановцы шли с первых же дней. Был послан военный отряд в Москву; его приезд ускорил окончательную победу рабочих в московских боях. Некоторые ивановцы—в том числе В. Морозов—погибли на улицах октябрьской Москвы.

Из Шуи, Кинешмы, Вичуги, из Тейкова, из Родников все время запрашивали по телефону о событиях, о новостях. Установилась непрерывная связь Иваново-Вознесенска с этими городами. Посылали даже работников-организаторов в Ярославль. Взять в свои руки фабрики, конфисковать средства, хранившиеся в банках, заняться продовольственным вопросом—вот какие новые, важные задачи встали перед советом, перед новой, рабочей властью.

По фабрикам и заводам, в городском театре, в военных частях—митинги. Ивановский гарнизон¹ вынес резолюцию: „По зову Советского правительства выступать, как один человек, на защиту рабочего дела и завоеваний революции“. В здании совета без конца хлопали двери, звенели телефонные аппараты, стоял немолчный шум. На улице гудели автомобили, мото-

¹ Гарнизон—войсковые части, предназначенные для постоянного пребывания в данном городе.

циклеты. Первые ночи в совете не спали совсем,—разве кто, переутомленный, бросится на голый стол и так заснет, несмотря на дневной свет, на шум и гул...

А под окнами, блестя штыками, демонстрируют солдаты, заявляя, что сумеют защитить свой совет. То с одной то с другой фабрики приходят толпы рабочих с флагами, с песнями.

В доме Полушина давно уже нет владельца-фабриканта, еще несколько месяцев тому назад считавшего себя полным хозяином своих рабочих. Вокруг Полушинского—нет, бывшего Полушинского!—дома рабочие с винтовками за плечами и револьверами за поясом; у многих—бомбы, пулеметные ленты. В окнах—настроенные пулеметы.

Новая жизнь пришла. Ивановцы готовы ее защищать.

Вчера... сегодня... завтра...

На фронтах войны и разрухи

Кипучим размахом стройки охвачен город Иваново-Вознесенск, „Красный Манчестер“, центр мощной промышленной области. Размеры строительства особенно увеличились за последние несколько лет. Лицо города становится неузнаваемым. Это делают под руководством коммунистической партии ивановские рабочие и работницы, новые хозяева города и фабрик.

Но не сразу пришлось им ввязаться за стройку, не на другой же день после того, как была свергнута власть капиталистов. После Октябрьской революции в руках советов очутилась страна, разоренная трехлетней войной. Еще больше разорила Россию новая война, гражданская. Ее пришлось вести советской стране для защиты революции от своих и зарубежных генералов, от иностранных капиталистов, всячески помогавших русским фабрикантам и помещикам задушить революцию.

Тысяча девятьсот восемнадцатый.. девятнадцатый.. двадцатый.. это были великие и грозные годы, годы героической борьбы.

В этой борьбе вместе со всеми рабочими советской страны принимали активное участие и рабочие Иваново-Вознесенска. От голодных семей, от молчаливых замороженных фабрик шли ивановские ткачи защищать революцию под Уфой, Кронштадтом, Перекопом, в Сибири, на Кубани. Много ивановцев погибло на фронтах востока, севера, запада, юга. На всех фронтах ивановских рабочих-бойцов ценили за отвагу, сплоченность, дисциплину. Летом 1919 года тов. Фрунзе прислал

с восточного фронта Иваново-Вознесенскому губернскому комитету партии такую телеграмму:

„С вечера девятого июня Уфа возвращена советской республике. Иваново-Вознесенск отличит роль, сыгранную в операции 220-м Иваново-Вознесенским полком. Переправившись первым под сильным огнем противника через реку Белую, полк, преодолев ряд укрепленных позиций противника, с непрерывным боем без достаточной поддержки артиллерии и с малым количеством патронов прошел сразу более двадцати пяти верст. Лично находясь в передовой цепи полка, я смог убедиться в беззаветном мужестве иваново-вознесенцев. Надеюсь, что поведение полка, которому после нескольких дней отдыха предстоит выполнение новой трудной задачи, встретит должную оценку от губернии и города, имя которого он носит.

Фрунзе“.

Парк фабриканта Гарелина, на даче которого лечатся теперь больные рабочие,—назван Степановским, как и Степановская улица в центре города. Василий Яковлевич Степанов был революционером, большевиком, и с первых дней Февральской революции стал товарищем председателя Ивановского горсовета. В 1918 году он ушел в Красную армию; в двадцатом году с отрядом ивановских коммунаров уехал на деникинский фронт и там, на посту комиссара дивизии, умер от сыпного тифа.

Другая улица, за Туляковским мостом и фабрикой БИВМ, называется Батуринской. Павел Степанович Батурин с молодых лет был революционером; пришлось ему побывать и в тюрьмах и в ссылке. После Октябрьской революции он был военным комиссаром в Иванове, а в апреле 1919 года отправился добровольцем на восточный фронт, где был комиссаром 25-ой стрелковой дивизии. И 5 сентября того же года он погиб как герой, близ города Лбищенска. В бою он не отошел от пулемета, его зарубили казаки.

Так ивановцы на фронтах защищали революцию, защищали фабрики, ставшие своими.

А те, кто оставался здесь, в тылу, в городе,—голодали. Муки выдавали в месяц редко больше десяти фунтов, да и та была с овсяными колочками, с просяной шелухой. Но и такую муку берегли, понемножку примешивая ее к жмыхам, к сухим картофельным очисткам: такой хлеб, похожий на замазку, через день так высыхал, что становился каменным. Доходило до того, что из старого артезианского колодца на дворе бывшей Грязновской фабрики день и ночь качали воду, чтобы выпаривать из нее соль—два фунта на ведро. Нередко сами впрягались в плуги и запахивали под огороды улицы, площади, пустыри.

Но революция была в опасности, и голодные ивановские ткачи помнили об этом день и ночь. Они посылали на фронт отряд за отрядом. Оставшиеся в тылу помогали фронту, посылали красноармейцам мануфактуру, собирали для них теплые вещи, мыло, табак, сахар; женщины бесплатно шили белье и одежду для армии.

Наконец, последние враги были побеждены. Первые эшелоны с хлебом, углем, хлопком пошли по железным дорогам на север. Ожили „паровозные кладбища“ (так назывались стоянки испорченных паровозов). Застучали станки пускаемых в ход фабрик. В годы гражданской войны выработка упала до 3,7% довоенного времени,—вырабатывалось почти в тридцать раз меньше, чем до войны. На фабриках всей Иваново-Вознесенской губернии в 1920 году оставалось только 32.000 человек рабочих. Но в этом году окончилась война с Польшей; полками Фрунзе был разгромлен Врангель,—ивановцы принялись за новую, бескровную, войну с голодом, холодом, разрухой, принялись восстанавливать производство. И эта трудовая война была на менее героической.

Когда несколько фабрик из числа „замороженных“ были пущены, Ленин хвалил ивановских текстильщиков за их почин и говорил: „если ивановцы дадут 100—150 миллионов аршин мануфактуры, то принесут

громадную услугу стране“. В год, когда ивановская промышленность начала разворачиваться уже по-настоящему, — Ленин умер. За пять лет строительства уже Ленина (1924—1929 г.) ивановцы вновь пустили 54 ф-ки. Число рабочих увеличилось за это время в 2½ раза и почти в 4 раза больше стало выходить готового товара с отделочных фабрик. Построены новые прядильные фабрики: Шаговская № 2 (в г. Вичуге), имени Дзержинского, „Красная Талка“, „Меланжевый комбинат“. За год—с октября 1927 года по октябрь 1928 года—ивановская хлопчатобумажная промышленность дала продукции больше, чем на 600 миллионов рублей; уже не 100—150 миллионов аршин, а 900 с лишним миллионов метров готового товара выработали ивановцы за этот год!..

Сейчас по количеству вырабатываемой продукции Иваново-Вознесенск стоит после Москвы на первом месте в СССР. Количеством ткани, выпускаемой ивановскими фабриками за год, можно 25 раз опоясать весь земной шар: ведь это—лента почти в миллион километров длины!

Мы осматриваем город

Утро. Шесть часов. Освещенные розовым солнцем сосны слушают веселый медный всплеск звонка. Ослепительно чистые коридоры двух красивых домиков оживают движением и голосами. В тепле ванных комнат по-особенному приятна свежесть воды; отдохнувшие за ночь краны щедро брызжут тугой струей. Сверх одеял на блестящие койки ложатся аккуратно подвернутые, нарядные розовые и голубые покрывала. Так пятьдесят мужчин и пятьдесят женщин в двух роскошных особняках бывшей гарелинской дачи встречают новый день.

До 1920 года здесь был дом отдыха. С 1920 до 1926-го—был санаторий, но только в одном особняке; другой, разрушенный, пустовал. После капитального ремонта в 1926 году санаторий принял теперешний, развернутый вид. По месяцу, по два и больше про-

водят здесь большие туберкулезом рабочие и работницы. Санаторий работает круглый год; шестьсот—семьсот человек за год получают тут новые силы для борьбы с болезнью,—покой, питание, лечение, солнечный свет, чистый воздух огромного парка, куда до революции никто не смел войти: хозяевами парка были фабриканты Гарелины.

Санаторий проснулся. В открытые окна доносится нарастающий шум. Московский поезд, пыхтя и гремя, проносится по мосту через Уводь, мимо парка. Сейчас он остановится на станции Иваново. С этим поездом, как и ежедневно, много людей, приехавших на жительство в Иваново-Вознесенск, ступят первый раз на землю еще незнакомого им города.

Население Иваново с каждым месяцем растет. В 1927 году здесь было 110.000 человек. В январе 1929 года—около 130.000 жителей; к ноябрю того же года—сто пятьдесят тысяч с лишком. А к 1931-му году в Иваново уже больше 170.000 жителей.

В Иваново сейчас 50 автобусов, а еще в 1927 году было только два; скоро это количество увеличится больше чем вдвое, а к концу пятилетки в городе будет 107 автобусов.

В 1924 году в Иваново на Крутицкой улице была построена первая в СССР фабрика-кухня. Кушанья готовят здесь механизированным путем, паром; машины режут овощи и другие продукты; машины моют посуду. Отсюда по всем фабрикам и отделениям столовой ежедневно развозят обеды на автомобилях, в особых сосудах—термосах, чтоб не остывали. Строили фабрику-кухню с расчетом: отпекать 6.000 обедов в день. Теперь перевалило уже за 25.000 обедов в день; общественное питание расширяется. В центральной столовой тесно. Поэтому 1-го мая 1930 года в Посаде заложили вторую, громадную фабрику-кухню. Она вырастет на том месте, где до 1930 года стояла Вознесенская церковь; за ненадобностью церковь, по требованиям трудящихся, закрыли.

На той же Крутицкой улице—новое здание туберкулезного диспансера, открытого в 1928 году.

В диспансере—отделения для взрослых и детей. По своему оборудованию он—лучший в СССР. В 1913 году в Иванове на каждую сотню родившихся детей умирало в возрасте до года 33 человека. В 1927 году только 22. Одиннадцать детских жизней на каждую сотню уже отвоевано в этом городе, где до революции жизнь рабочего не ставилась ни во что. Мать и ребенок находятся теперь под тщательным наблюдением врачебных консультаций. Молочные кухни выдают по назначению врача стерилизованное (лишенное бактерий, совершенно чистое молоко и другие продукты для питания маленьких детей. В детские ясли—их в Иванове много—работница может принести ребенка, если ей не на кого оставить его дома; тут уж мать может быть спокойна за ребенка,—а идя домой со смены, возьмет его.

Необычайную, ужасающую квартирную тесноту оставили Иваново-Вознесенску в наследство фабриканты. После революции, отстояв свободу на фронтах гражданской войны, ивановские ткачи принялись строить. И стройка здесь идет с огромным, невероятным размахом,—так заявляют все, кто ни побывал в Иванове: и рабочие делегации из других городов, и делегации иностранных рабочих и рабочих, и английские журналисты, и американские профессора.

Среди множества заграничных гостей, посещающих Иваново, приезжал американский негр, член президиума Исполкома Коминтерна, товарищ Луиз Карлтон. Уезжая из Иванова, он написал на прощанье по-английски:

„Иностранный коммунист, который впервые посетит ваш город, будет немало удивлен темпом индустриального развития и строительства города. Кроме того, он должен обратить внимание на аккуратность и точность, которая наблюдается в этом деле. Я не преувеличу, если сравню строителей города с американцами! Всюду, где я был, я наблюдал большой подъем духа у руководителей этого строительства и у рабочих. То, что я видел,—мне не забыть“.

Товарищ Карлтон это писал, конечно, не только о жилых домах. Не только новые дома для жилья возводятся в Иванове; тут идет стройка и новых фабрик, и новых школ, и больниц, и клубов, и столовых, и учреждений, и всяких других зданий.

Теперь рабочие живут в таких домах, как вот этот, — в просторных, чистых и светлых квартирах, снабженных электричеством, водопроводом, канализацией и другими удобствами. На снимке: дом на 102 квартиры в Сталинском районе, за фабрикой им. Молотова.

Целым маленьким городком за вокзалом раскинулся поселок Фряньково; западнее Фрянькова еще недавно было голое поле, а теперь выросли новые поселки: „Пустошь-Бор“ и Железнодорожный. На востоке тысячами разноцветных крыш пестреет Соснево, в центре которого и помещается школа имени Афанасьева — „Отца“, растерзанного черносотенцами в 1905 году. На южной окраине Соснева высится Меланжевый комбинат, самая большая фабрика одежных меланжевых тканей в мире. Около 15.000 рабочих будет

занято на комбинате, когда будет готова его „вторая очередь“; для этих рабочих вырастет целый новый городок. И с севера, и с востока, и с запада, где смолистой свежестью домов белеют Воробьевская, Боголюбовская, Глинищевская слободы; и с юга—отовсюду растет Иваново вширь, растет не отдельными домами, а целыми улицами и кварталами, целыми поселками.

Но это—все-таки небольшие, частные домики, которые рабочие строят сами или через свою жилищную кооперацию. Правда, и в них жизнь текстильщика не сравнить с прежней!.. Уж не ютятся по двенадцати человек, не задыхаются в грязи, сырости, тесноте. Зубная щетка и чистое белье входят в рабочее жилище. Мачтами радиоантенн обросли рабочие районы; за детекторными и ламповыми приемниками слушают ивановцы свою ивановскую, московскую и другие радиостанции. В рабочей семье теперь не редкость встретить сына или дочь, учащегося в вузе. Газета, журнал, книга вошли в рабочую квартиру.

Не считая целых рабочих поселков, вроде Первого („термолитового“) и Второго („Бельник“), за последние четыре года (с 1926 г.) выросли вот какие многоквартирные дома-гиганты: на 72 квартиры, на 96, на 102, на 130, на 150, на 208, на 250 квартир... У Первого поселка строится дом на 400 квартир,—в доме будет свой детский сад, магазин и столовая... Выстроены два дома для профессоров Политехнического института, ряд общежитий для студентов... Не будем продолжать: это еще далеко не все. И не стоит сейчас говорить о домах, которые только начаты стройкой: приезжий сам увидит их растущие вверх кирпичные стены, пройдя по ивановским улицам, заваленным строительными материалами.

Переезд в новый дом, да еще в многоквартирный, выстроенный по последнему слову техники,—это не просто переезд на новую квартиру. Многие из старых рабочих и работниц, еще сохранивших—если не веру в бога, то просто привычку к религии,—переезжая в новый дом, не берут с собой икон. Новый дом с его сверкающими белизной стенами заставляет и жить по-

новому, свободно, чисто, культурно. В новых домах—водопровод, канализация, электричество; на кухнях—плиты, шкафы-холодильники. В новых домах большие, светлые окна, и в каждой квартире—балкон.

Город на стройке

Иваново-Вознесенск играл руководящую роль во всем своем районе еще до того, как стал городом. В 1868 году вновь открытая железнодорожная линия от Новок до Иванова соединила район с Москвой и Нижним-Новгородом. В 1871 году открыли линию от Иванова до Кинешмы, связавшую район с Волгой. Все местности этого района оказались тесно связанными между собой железнодорожным и водным сообщением, и в центре этих путей стояло село Иваново.

После соединения (в 1871 году) села Иванова с Вознесенским-Посадом новый город Иваново-Вознесенск все время считался безуездным. Но промышленность города развивалась очень быстро, экономическая мощь его крепла, так что даже дореволюционному правительству приходилось создавать в безуездном городе учреждения губернского значения (например, отделение окружного суда). Уже тогда царское правительство признавало, что „по географическому своему положению и по обширности торгово-промышленных оборотов“ Иваново-Вознесенск является центром всей окружающей его местности (речь шла о нескольких уездах Владимирской и Костромской губерний, т. е., о том районе, который и стал позднее губернией).

Вместе с экономическим объединением района шло и его политическое объединение. Роль Иваново-Вознесенска как руководящего революционного центра особенно ярко сказалась во время событий 1905—1906 годов, и особенно—в дни майской стачки текстильщиков. Эта стачка, которой руководила партийная организация Иваново-Вознесенска, остановила всю промышленную жизнь целого района. В Иваново-Вознесенск как в политический и экономический центр

обращались за советами и указаниями делегации из самых отдаленных местечек, городов и сел.

В 1917 году, вскоре после свержения самодержавия, в Кинешме собралась районная конференция Советов рабочих депутатов, на которой были представлены все районы будущей губернии. На конференции было избрано временное Исполнительное бюро, находившееся сперва в Кинешме, а потом перенесенное в Иваново-Вознесенск. Это бюро явилось прямым предшественником губернского исполнительного комитета.

Весной и летом 1917 года продолжалось также дальнейшее объединение пролетариата района по профсоюзной и партийной линии. Рабочие-текстильщики объединились в „Иваново-Кинешемский областной союз рабочих и работниц текстильной промышленности“.

Но в это время еще было колебание в выборе центрального пункта района. „Иваново-Вознесенск или Кинешма?..“—Этот вопрос был окончательно решен в пользу Иваново-Вознесенска стачкой текстильщиков всего района, происходившей в октябре—ноябре 1917 года. Стачка показала, что весь район тесно сплочен экономически и политически, и что первая, руководящая, роль по праву принадлежит Иваново-Вознесенску.

И в первый же год советской власти, в 1918 году, Иваново-Вознесенск стал центром новой Иваново-Вознесенской губернии.

* * *

Прошло десять с лишним лет. Развитие хозяйственно-культурного строительства заставило коренным образом пересмотреть деление СССР на отдельные районы. Разделение на губернии, сохранившееся еще от XVIII века, созданное в период крепостного права, явилось совершенно чуждым всему современному строю советской страны. Пятилетний план развития народного хозяйства для своего успешного осуществления потребовал иного деления—областного районирования.

И вместо деления на губернии было принято деление на области. Такое деление помогает устано-

вить наибольшую экономическую связь между управлением тем или иным районом и хозяйственной его жизнью. Областное районирование помогает правильно организовать хозяйство и вовлечь широкие трудящиеся массы в социалистическое строительство. При районировании состав каждой области был определен так, чтобы в область входили районы (прежние губернии), однородные по характеру своего хозяйства и по условиям его дальнейшего развития.

Вот по такому признаку промышленной однородности и соединились в январе 1929 года четыре губернии: Иваново-Вознесенская, Костромская, Владимирская и Ярославская. Так была создана Ивановская Промышленная область.

В области сейчас 343.000 рабочих; за последний год промышленность области дала продукции на 2 миллиарда 148 миллионов рублей, в том числе хлопчатобумажной ткани выработано больше двух миллиардов метров! По размерам промышленного производства Ивановская область уступает только Московской; она равна Ленинградской и значительно превосходит все остальные областные и краевые объединения внутри РСФСР. А по размерам самих промышленных заведений Ивановская область занимает первое место в РСФСР в среднем здесь на одно промышленное заведение (фабрика, завод) приходится 448 рабочих, тогда как по всей РСФСР на одно заведение приходится, в среднем, только 191 человек.

Три четверти всей льняной выработки СССР и почти половину выработки хлопчатобумажной дает текстильная промышленность Ивановской области.

И в центре области после десяти с лишним лет напряженной и успешной борьбы и строительства — стал рабочий город Иваново-Вознесенск. И с этого момента стройка в нем развернулась еще шире, пошла еще быстрее.

* * *

Сорок лет разговаривали фабриканты и торговцы, хозяева города, о водопроводе, но построить его так и не построили, потому что жалели денег. Город по-

лучил водопроводную, чистую воду только при советской власти. Сейчас мощность водопровода исчисляется в 2.125 кубических метров воды, но он расширяется, и к концу пятилетки его мощность дойдет до 19.100 кубических метров. До революции в городе не было канализации. Вода в Уводи отравлялась и загрязнялась фабричными отбросами, но фабриканты, оберегая свои карманы, заявляли, что не надо, мол, реку очищать, потому что от загрязненной реки получаются едкие туманы, которые... для воздуха полезны, очищают его, видите ли, от микробов!.. В 1927 году ивановцы начали строить коллектор для фабричных сточных вод. Уводь очищена. Вся первая очередь канализации будет полностью построена к 1933 году, и на это уйдет около 6 миллионов рублей.

Водопровод и канализация—необходимая принадлежность каждого города. А электричество? Им освещен сейчас не только центр города, но и рабочие окраины и поселки. Городская электростанция в 1912 году давала всего 297 тысяч киловатт-часов, а теперь дает 13 с половиной миллионов киловатт-часов.¹

Наконец, немислим город без хороших дорог. В 1883 году в Иваново-Вознесенске был... один тротуар. В отвратительном состоянии тротуары, мостовые, мосты были до самой революции. Не до них было, конечно, и в первые годы революции. Но теперь бетонные и асфальтовые тротуары устраиваются даже на окраинах. Ежегодно замащиваются новые и новые улицы. По городу устраиваются зеленые скверы, цветники, сады, древесные насаждения, газоны. Это очищает воздух, уменьшает пыль. В 1930 году на месте старых, пришедших в негодность мостов (Туляковский, Соковский), устроены новые, прочные. Район поселка Фряньково (за вокзалом) соединен с городом большим перекидным мостом, а до этого люди ходили через станционные пути, рискуя попасть под поезд. По всему автобусному кольцу (вокзал—Горсовет—

¹ Так измеряют электрическую энергию. Киловатт—это сила, равная 1,36 лошадиной силы; киловатт-час—это количество электроэнергии в киловаттах, вырабатываемое за один час работы машины.

Дворец труда—вокзал) дорога будет покрыта асфальтовой лентой; устройство такой ленты уже начато.

В 1930 году в Иванове начали строить новый вокзал; в 1931 году его предположено закончить. Вокзальное здание будет из железобетона; в нем будет три этажа; целая сеть подземных туннелей—проходов; зал, длиной в 80 метров. Целых две с половиной тысячи человек смогут поместиться в здании нового вокзала.

Прежних домиков в некоторых районах Иванова сохранилось еще немало, но они исчезают все быстрее и быстрее. Лето 1930 года было особенно беспощадно к этим остаткам жалкой ивановской старины. Целыми кварталами сносились убогие домишки в районе Троицких улиц, на Соковской, на Песках, на Ямах. На месте домишек вырастают многоэтажные гиганты, которые достойны улиц областного центра. Неузнаваемо изменяются целые улицы и районы. Жителям Иванова хорошо знакомо большое темно-серое здание Госбанка. Это здание выстроено на месте бывшего оврага. Там, где высятся шесть этажей новой гостиницы,—еще в 1929 г. стояли несколько маленьких домиков, каменных и деревянных, и целый квартал ветхих домиков стоял в Посаде на месте теперешнего 208-квартирного дома. Центральная телефонная станция, новый почтамт, дом инженера и техника, 102-квартирный дом, Хуторовская школа-девятилетка, дома для профессоров и общежития для студентов Политехнического института, красавец-химфак (Химический институт)—все эти здания-громадины и многие другие выросли на месте приземистых домов прежнего Иванова.

Из прокопченных комнаток, из тесноты переходят рабочие в залитые светом квартиры новых домов. За два только года (1927—1928) в дома новой стройки вселилось свыше 15.000 человек рабочих-квартирантов, а потом это переселение пошло еще быстрее. Но жизнь и быт рабочего меняются не только потому, что в городе строятся новые дома. Прежде всего, условия фабричной работы теперь, конечно, просто дико было бы сравнивать с прежними. Семь часов (а на некоторых

фабриках восемь) работает на производстве рабочих; для охраны его труда от фабричных вредностей применяется целый ряд приспособлений,—об этом мы уже говорили. Сказали мы и о том, что в случае болезни заработка сохраняется за рабочим полностью. Средняя заработная плата ивановского текстильщика сейчас увеличилась против довоенной больше, чем в четыре раза!

В Иваново-Вознесенске 8 кино, 2 больших театра, не считая множества рабочих клубов.

В Иваново издаются областные газеты: „Рабочий край“, комсомольская „Ленинец“ крестьянская „За колхозы“, пионерская „Всегда готов“; журналы: „Ударник“, „На Ленинском пути“, „Хозяйство Ивановской Промышленной области“, „Просвещение Ивановской Промышленной области“. Рабочие каждой фабрики издают свою фабрично-заводскую печатную газету-многотиражку.

План великих работ

...Лето 1930 года. На Песках, у Туляковского моста ломают дом. Он был еще крепким кирпичным зданием в один этаж; здесь помещалась прачечная коммунального отдела. Но теперь в Иваново есть механизированная прачечная, оборудованная новейшими машинами; работница приносит туда грязное белье и через несколько часов уносит его чистым, сухим, выглаженным. Тяжелый труд—стирка—облегчен, его взяли на свои стальные плечи машины. А что дом был еще крепким—не беда. Кирпич пойдет в дело для других, новых построек. Тут нужно расширить улицу, открыть широкий проезд, чтобы без задержек могли мчаться легкие „такси“, автобусы, тяжелые грузовики, нагруженные товаром.

Стены почти разобраны. Осталась одна. Ее обвязали рабочие канатами, отошли в сторону и дружно тянут, подпевая себе хором. Стена качается и вот-вот упадет.

Так падает и рушится с каждым днем все старое, что еще уцелело в жизни города от прежних черных

времен. Огромный и сильный город вырастает буквально „из ничего“. Перестраивать, переделывать и строить вновь приходится не только городские дома и улицы. Старое наследство мешает в виде старых, ненужных и вредных привычек и в нашем быту, и в работе, и в отношении друг к другу. Создается новая пролетарская культура. Куются пролетарские кадры. В 1918 г. в Иваново, при активном участии т. Фрунзе, был перевезен из Москвы эвакуированный туда во время войны Рижский политехнический институт. С тех пор он называется Иваново-Вознесенским политехническим институтом имени М. В. Фрунзе (сокращенно ИВПИ). В 1930 году ИВПИ реорганизован; его факультеты теперь стали самостоятельными институтами: текстильным, химическим, энергетическим, сельскохозяйственным. На этих факультетах будет учиться 3.800 человек (сейчас 1.400). Осенью 1930 года открылось отделение Московской промышленной академии, а также медицинский институт, Меланжевый комбинат стал „фабрикой-техникумом“ (потом он будет „фабрикой-вузом). Рабочие комбината, учась и работая на производстве, будут одновременно рабочими и студентами.

В Иваново теперь существует высшее коммунистическое учебное заведение—Комвуз. Занятия в нем идут по четырем факультетам: партийного строительства, советского строительства, инспекторскому по народному образованию и факультету печати. С 1931 года ежегодный прием учащихся увеличен до 375 человек.

Средний технический персонал готовится в техникумах, которых и сейчас в Иваново уже несколько: химический, текстильный, строительный, связи, электротехнический, коммунальный, экономики труда, силикатный. Работают также педагогический, музыкальный и медицинский техникумы.

Сейчас школа должна так обучать ребят, чтобы они знали и труд индустриальный, и труд сельскохозяйственный. Учебные занятия должны быть тесно связаны с производственным трудом. Техническая революция, которую мы проводим и в промышленности,

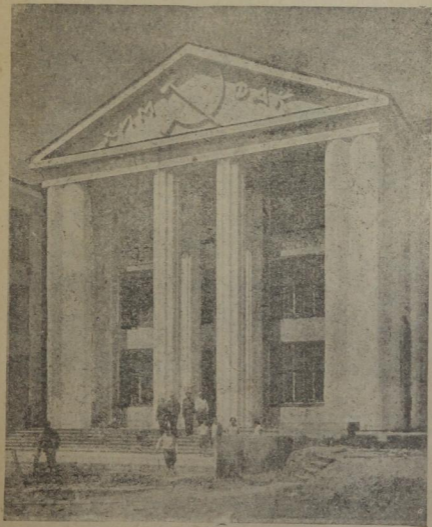
и в сельском хозяйстве, требует, чтобы учащиеся были вооружены самыми разнообразными трудовыми навыками; они должны уметь пользоваться простейшими инструментами различных производств, знать свойства главных материалов, способы их обработки, разбираться в несложных механизмах. Короче говоря, школа должна стать политехнической. В Иваново-Вознесенске, как и во всей области, производится политехнизация школ. При школах организуются мастерские и рабочие комнаты; для изучения крупного производства школы прикрепляются к фабрикам и заводам, а в районах—к колхозам и совхозам. Политехническая школа дает учащемуся понимание основ современной техники, дает ему знание главных технологических процессов. Учащийся такой школы сможет легко приспособливаться к различным отраслям промышленного и сельскохозяйственного труда. Политехническая школа осуществит слова Ленина: „Каждый шаг учебы соединять с трудом рабочих и крестьян“. Из такой школы учащийся выйдет действительно подготовленным борцом социалистической стройки.

Изучению техники, вооружению учащихся политехническими знаниями и навыками помогают также технические кружки (при школах и пионерских отрядах) и детские технические станции. Число кружков и станций за пятилетку вырастет во много раз.

Прежние хозяева города, фабриканты и купцы, о просвещении рабочих и их детей несколько, как мы знаем, не заботились, да им и невыгодно было заботиться. В 1915—16 году на территории, вошедшей потом в состав Иваново-Вознесенской губернии, было 16 гимназий и реальных училищ и 29 высших начальных и духовных училищ. Во всех этих училищах занимались 8.234 ученика. Детям рабочих и крестьян за очень редкими исключениями нечего было и думать о поступлении в гимназию или реальное училище. Сеть низовых школ была очень маленькой и далеко не соответствовала потребностям, не говоря уже о том, что главной задачей этих школ было: обучать „закону

божьему" и „повиновению начальству“. А дошкольного воспитания—детских садов, площадок и т. п.—до революции не было никакого. Зато Октябрьская револю-

Готовим, специалистов.

Часть фасада здания химического факультета Иваново-вознесенского политехнического института. В 1930 году институт разделен на четыре самостоятельных части; химфак стал химико-технологическим институтом.

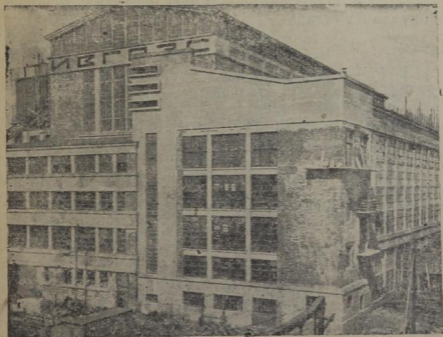
ция, сделавшая науку доступной всем трудящимся, принесла Иваново-Вознесенску огромные культурные победы. Уже к 10-й годовщине Октября одними только школами повышенного типа было охвачено 19.616 учащихся (вместо 8.234 в 1915—1916 году). В деле народного образования у нас уже много успехов, пятилетка приносит новые. По всей области проведено всеобщее обязательное начальное обучение. Все дети в возрасте от 8 до 12 лет охвачены начальной школой.

К концу пятилетки город обогатится еще двумя высшими учебными заведениями. Будет открыт ряд научно-исследовательских институтов, культурно-просветительных учреждений и учебных заведений.

Пятилетка—„план великих работ“—принесет городу не только новые учебные заведения. Будут построены: большая фабрика одежды; мебельная, обувная и трикотажная фабрики; фабрика вискозы (искусственного шелка); химический комбинат и заводы: текстильного машиностроения, сепараторов, машин для первичной обработки льна, машин для добычи торфа. Вырастет вторая очередь Меланжевого комбината—ровно столько, сколько сейчас построено. Строится завод для выработки особой краски из торфа („торфель“) по способу ивановского изобретателя С. О. Кислицына. Все эти новые гиганты (завод текстильного станко-строения обойдется, например, в 20 миллионов рублей, на нем будут работать четыре с половиной тысячи рабочих) будут снабжаться электрической энергией с мощной электростанции „ИвГРЭС“ (Иваново-Вознесенская государственная районная электрическая станция), выстроенной на Миловских болотах. Первый ток с ИвГРЭС дан в 1930 году. К концу пятилетки мощность ИвГРЭС дойдет до 110.000 киловатт, и вдвое больше будет мощность другой станции в Ивановской области ЮжГРЭС (Южская)—220 тысяч киловатт.

Не только с каждым годом, а, пожалуй, с каждым месяцем меняется облик города. Пятилетка преобразит его. Центральная площадь города (площадь Революции, перед Горсоветом) будет расширена; двенадцать улиц будут выходить на нее своими концами,

Кроме фабрик и заводов, кроме вузов и школ, кроме многоквартирных жилых домов вырастет много других зданий. Новое здание Дворца труда (а против теперешнего Дворца труда уже сейчас строится новая фабрика-кухня), Областной научно-исследовательский, химико-бактериологический институт.

ИВГРЭС

(Иваново-вознесенская государственная районная электростанция) Строится на Миловских торфяных болотах, мощностью в 110.000 киловатт. В 1930 году промышленность города получила первый ток с ИВГРЭСа. На снимке: общий вид здания первой очереди.

Новыми садами и скверами, новой зеленью и цветами украсится город. Уже теперь начинается устройство в Степановском (бывшем Гарелинском) парке— Парка культуры и отдыха. Среди множества новых построек Иваново получит также здания нового драматического театра и большого кино. Дороги улучшатся не только в самом городе. Путь от Иванова до

Лежневa покрoется асфальто-бетоном. На дороге Ивaново-Влaдимир будет устроено хорошее шоссе. Откроется постоянное автомобильное сообщение: Ивановo-Вознесенск — Москва.

* * *

... На Песках ломают дом. Рабочие обвязали канатами уцелевшую стену и тянут, подпевая хором, в такт своим усилиям:

Раз-два, силь-но-о!..

Раз-два, друж-но-о!..

И вот—стена упала с глухим шумом. Взметнулось розоватое облачко кирпичной пыли и быстро рассеялось. Была стена—нет стены. Стоял старый дом—и нет его больше. Груды кирпичей рабочие разберут, годный материал сложат отдельно, а щебень, осколки—отдельно. Щебень тоже пойдет в дело.

Так под рабочими усилиями подаются старые стены и падают, рассыпаясь.

А новый рабочий город—растет.

1875

ЦЕНА 30 КОП.

МОСКВА - ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК